

Офицерский
Честь и мое
роман

*Зорик
Теплов*

Второй вариант

Офицерский роман. Честь имею

Юрий Теплов

Второй вариант

«ВЕЧЕ»

1988

Теплов Ю. Д.

Второй вариант / Ю. Д. Теплов — «ВЕЧЕ»,
1988 — (Офицерский роман. Честь имею)

ISBN 978-5-444-49160-7

В книгу известного писателя и журналиста Юрия Дмитриевича Теплова (1937 г.р.) вошли три повести, посвященные непростой жизни и судьбе советских военнослужащих. Главные герои повести «Второй вариант» – офицеры Савин, Сверяба и Давлетов из подразделения военных железнодорожников, участвующего в строительстве БАМа, – попадают в ситуацию, требующую от них проявления гражданского мужества. И они делают нелегкий выбор – идут на конфликт с руководством вопреки личным интересам. В повести «Крутится, вертится шарик земной» рассказывается о молодых офицерах, о трудностях, с которыми они сталкиваются в период командирского становления, об их участии в венгерских событиях 1956 года. И, конечно же, о любви. Документальная повесть «Гранатовый цвет» – о героических буднях наших воинов, оказывающих интернациональную помощь афганскому народу.

ISBN 978-5-444-49160-7

© Теплов Ю. Д., 1988

© ВЕЧЕ, 1988

Содержание

Второй вариант	6
Глава первая. Юмурчен	6
1	6
2	6
3	10
4	20
5	23
Глава вторая. Зимовье	27
1	27
2	33
3	40
4	42
5	46
6	51
7	53
Глава третья. Короче ли прямая?	56
1	56
2	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юрий Дмитриевич Теплов

Второй вариант

© Теплов Ю.Д., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Второй вариант

Глава первая. Юмурчен

1

Лиственница была старой, стояла на отшибе от таежного сплошняка. И глухарь, сидевший на ее вершине, тоже был старым. Его грудь, когда-то бывшая отливом в синь, посветлела от времени. Брови сделались багровыми и отяжелели. Но слух оставался острым и даже в пору токовых игрищ не подводил старика. Сначала он уловил звук, похожий и на скрип, и на шорох. Не пошевелив головы, насторожился, повел лиловым глазом. И увидел людей.

Один двигался с ружьем вдоль занесенного снегом ручья. А на поваленном дереве сидели еще двое. В той стороне прошлой зимой пролегал путик охотника, заставившего птицу перебороть извечный страх перед ружьем и человеком. Но мудрость подсказывала глухарю: он видел других людей. Тот, что нес ружье, не шел, а катился, быстро перебирая ногами. А двое на бревне глядели в его сторону.

2

«Успеет выстрелить или нет?» – вяло думал Савин.

Он был в каком-то полуоцепенении от усталости, от таежного однообразия. Глядел на приближавшегося к глухарю Дрыхлина, дивясь его двужилности. Тот осторожно и в то же время шустро продвигался на своих несуразно коротких и широких лыжах. Тулку с вкладным стволиком держал наготове. Савин видел его то со спины, то вполоборота. Вот Дрыхлин остановился, переступил с ноги на ногу по рыхлому снегу, словно утрамбовывал его, и стал поднимать ружье.

И тут Савин вышел из оцепенения. Не отдавая себе отчета, что он делает и зачем, поднялся и закричал:

– Брысь! Брысь!

То, что он сначала принял за темное гнездо на старой лиственнице, шевельнулось, отделилось от верхушки. Большая птица словно бы свалилась вниз и шумно захлопала крыльями. Дрыхлин недоуменно обернулся. Сидевший рядом с Савиным подполковник Давлетов то ли кашлянул, то ли усмехнулся.

– Какую кошку вы тут пугали? – спросил возвратившийся к попутчикам по своему следу Дрыхлин.

– Извините, пожалуйста, – виновато ответил Савин, понимая, что совершил глупость, необъяснимую для спутников, и готовясь к упрекам.

Но Дрыхлин вдруг заулыбался, весело взглянул на Давлетова, словно приглашая к пониманию и сочувствию:

– Глухаришку стало жалко, так ведь, Женя?

– Жалко.

– Разделяю. Первая живность на пути – шлеп! – и слопали. Некрасиво! Прощаю, Женя.

– Пора трогаться, – хмуро сказал Давлетов. Не сухо, как обычно, а хмуро. И Савин воспринял это на свой счет: вместо надоевших консервов могли бы полакомиться дичью.

Он поднял вещмешок, накиннул на плечи лямки. Черная бамовская спецшуба зашуршала, как брезентовый короб. Дрыхлин покатиł вперед, проминая снег. По этой бесконтурной лыжне

зашагал за ним Савин в своих казенных, облитых по низу резиной валенках. И сразу же услышал, как знакомо самоварно запыхтел позади немолодой уже его начальник – подполковник Давлетов.

Кругом лежал снег и стояли оголенные стужей стволы редких лиственниц. Да, чахлая была тайга. Совсем не такая, какой она рисовалась в воображении Савина всего полгода назад. Тогда он видел ее сплошной и могучей, с кедрами в три обхвата, с веселым шишкобоем, с добрыми медведями, которые лакомятся брусникой. И обязательно с туманами, чтобы, как в песне, когда беспокойные мальчишки едут за таежным запахом. А из туманов, прижатых к земле, торжественно и чинно выплывают гордые сохатиные головы с рогами-вешалками и мудрыми печальными глазами.

Но, оказывается, нет ни птичьих хороводов, ни следов невиданных зверей. Разве что неведомые тропы... А вокруг стояла неживая белая тишина. Потому Савину и подумалось на какой-то миг, что во всем мире осталось лишь трое из всех, кто может дышать, двигаться, чувствовать усталость. Он и сам понимал нелепость такой мысли. И все же продолжал ощущать нереальность происходящего. Ему даже почудилось, что сидит он в теплой комнате и видит на экране телевизора затянувшийся кадр из немого кино, смотрит глазами постороннего на троих разрисованных инеем мужиков, шагающих с грузом по таежной бамовской целине. Впереди – Дрыхлин, коротенький, массивно округлый, с узким, вытянутым на всю спину рюкзаком и двустолкой на груди. Позади – Давлетов, выносливости которого Савин не переставал тихо дивиться, точно так же как и тихо винить его в том, что они обезножили после аварии тягача: топтать сугробы валенками – все равно что хромоту двигаться по дороге без костылей. У военных людей все делается по приказу, по распоряжению. Давлетов же то ли забыл распорядиться насчет лыж, то ли понадеялся на множество лошадиных сил двигателя тягача и сравнительно короткий отрезок оставшегося пути. А вот умница Дрыхлин ничего не забыл. Савин даже не заметил, когда он перед выездом успел забросить свои лыжи-снегоступы в кузов.

Выехали они с места последней стоянки у безымянного ручья затемно, оставив других «десантников» достраивать палатки и вертолетную площадку. Намеревались побыстрее добраться до зимовья на Юмурчене. Это название реки Савин впервые услышал еще полгода назад, чуть ли не в тот день, когда прибыл для дальнейшего прохождения службы в бамовскую железнодорожную часть. Река была этапной границей, куда механизаторы обязаны были дойти при укладке земляного полотна под магистраль. Охотничье зимовье на Юмурчене и стало конечной точкой их двенадцатидневного рекогносцировочного маршрута.

Выехали шестеро. Подполковник Давлетов за старшего, как и положено, в кабине тягача. Остальные разместились в гремящем железном кузове. Савин сидел рядом с сержантом Юрой Бабушкиным. У этого виртуоза-бульдозериста было нежное, как у девушки, лицо и темные, в ссадинах и царапинах, руки. Самым заинтересованным в разведке Юмурчена был командир роты механизации капитан Синицын, молчаливый и ироничный человек: его подчиненным предстояло там жить и осваивать карьер. А самым незаинтересованным – чужой Дрыхлин. Он объявился в их колонне десять дней назад, в самый последний момент перед выходом с базовой станции. Давлетов тогда сказал Савину:

– Дайте место представителю заказчика.

Савин недоумевающе и с неприязнью рассуждал: «Чего он увязался с нами? Дело заказчика – готовая продукция: насыпь, мосты, объекты. А карьеры и выемки – не его забота». И еще отметил про себя, что похож «представитель» на красный резиновый мяч и как будто они уже где-то встречались.

Тот и впрямь был весь какой-то круглый, упругий, краснощекий. В черном полушубке, но не таком, как у бамовцев, а покороче, помягче, полегче и, понятно, без погон. На ногах сохатиные унты с невысокими голенищами – амчуры, на голове лохматая, похоже, из собаки, шапка.

Имя-отчество представитель никому не объявил, так и остался «товарищем Дрыхлиным», как его назвал Давлетов. Наверное, трудно было бы придумать для него более неподходящую фамилию. Чего-чего, а дрыхлей он не был ни в коем разе. Савин убедился в этом вскорости и убеждался потом каждодневно. Хоть и не имел Дрыхлин конкретного дела, но без дела не сидел. На местности ориентировался не хуже местных охотников, на глаз и почти точно определял кубатуру будущих карьеров, подсказывал места ночлега, и, если приходилось ставить походные палатки, они всегда оказывались защищенными от ветра и снегопада. Мастерски управлялся и с бензопилой «Дружба». Когда валили деревья, сам делал взрез и подпил, упирался в дерево толстой рогатиной, которую называл ухватом, и кричал с разбойничьим подвывом:

– Береги-и-и-сь!..

Будь Дрыхлин за старшего – он бы не дал заезжаться механику-водителю. Такой валун даже под снегом трудно не заметить. Савин только услышал, как взвизгнул двигатель, и тут же на них напозла бочка с соляжкой, а по железному кузову раскатились консервные банки. Стало пронзительно тихо и неуютно.

– С прибабахом вас! – весело объявил Дрыхлин и первым прыгнул на снег. Тягач беспомощно завис одним боком на валуне и гусеничная лента, слетевшая с катков, выстелила обнажившийся серый камень. Что лента – ее еще можно было бы поставить на место, стоит лишь заменить лопнувшее звено. Нельзя было починить порванный бак. Грязное пятно от горючего медленно и даже, как почудилось Савину, с шорохом расползлось по чисто-белому снегу.

– Что будем делать, товарищи? – сухо спросил Давлетов. Даже не спросил, потому что не прозвучало вопроса в его словах, а он словно бы отдал дань необходимости посоветоваться.

– Возвращаться, – ответил за всех капитан Сеницын.

– А график?

Сеницын пожал плечами. Дрыхлин сказал:

– График – бумажка.

– Никак нет, – бесстрастно возразил Давлетов. – Документ.

Затем достал из полевой сумки карту-план, нахмурил брови, сморщил переносицу, отчего нос стал еще больше приплюснутым и ширококрылым. И занялся вслух арифметикой:

– Два и два... Три... Два накинём...

Через плечо начальника Савину было видно, как тот водит по карте указательным пальцем, натываясь на тонкие прожилки речушек. На одной из них и стояло зимовье охотника, обозначенное рукой Давлетова большим черным кружком, словно солидный город в географическом атласе.

– Не больше десяти, – подвел начальник итог, решительно затолкал карту в сумку и распорядился, как никто не ожидал: – Я и товарищ Савин движемся вперед своим ходом. Товарищ Сеницын с Бабушкиным и механиком-водителем возвращаются к вертолетной площадке.

– Нецелесообразно, – сказал Сеницын.

– Как вас понимать?

«А чего понимать? – подумал Савин. – Середина пути. Возвращаться по колее легче и быстрее. Сегодня все равно никаких дел не будет, если пешком добираться. А завтра пораньше взять другой тягач с ремонтниками...»

Савин ждал, что Сеницын так и объяснит. Но он тогда не был бы Сеницыным.

– Есть, товарищ подполковник! – сказал и замолчал.

И Савин даже порадовался такому обороту. Очень уж ему хотелось скорее повидать Юмурчен. Было в этом слове что-то притягательное. Казалось, что река с таким названием даже и зимой не должна замерзнуть, журчит на перекатах, укутанная туманом.

– А мне что прикажете, Халиул Давлетович? – спросил Дрыхлин.

– Вам я не имею права приказывать, – серьезно ответил тот. – Вы – вышестоящая инстанция.

– Ну, тогда я с вами.

Давлетов снова расстегнул полевую сумку и достал компас.

– Уберите вашу машинку, – сказал Дрыхлин. И Савину, как уже было не раз за эти десять дней, послышалась в его голосе жесткость.

Почти неуловимо, но она временами проглядывала сквозь безукоризненную вежливость и постоянное дрыхлинское «вы». Что-то Савина смущало поначалу в этой вежливости, каким-то образом она не увязывалась с человеком. Но потом стало казаться, что так и надо: вежливость – от воспитания, а жесткость – от опыта, от бывалости. Пораженный этой бывалостью, Савин не раз думал о том, что случай им благоприятствовал, подбросив такого товарища. Вот и тогда, после аварии, Дрыхлин вытянул из кузова свои лыжи, затолкал в вещмешок буханку мороженого хлеба, с пяток консервных банок, обозвал компас машинкой и сказал, как приказал:

– Солнце – в левую щеку, в левый глаз, в лоб. И будем на Юмурчене.

Кинул за спину тулку и, не дожидаясь ответа Давлетова, двинулся на своих коротких лыжах вперед, словно бы уже бывал в этих местах и знал тут каждый камень и упавшую лесину. А они с Давлетовым зашагали по лыжне в валенках, утопая по колено в снегу.

Савин уже не радовался, что скоро увидит речку с красивым названием. Сперва он пытался срезать кривулины лыжни, но наткнулся на засугробленные пеньки, отжившие деревья, валежник. Спотыкался и с досадой убеждался, что не всякая прямая короче. Назад не оглядывался, но все время слышал за спиной дыхание Давлетова. Потом и вперед перестал смотреть, глядел только вниз, на лыжню, зная, что оторвавшийся от них Дрыхлин все равно подождет их где-то.

Наконец Савин не просто устал, а прямо изнемог. Помнил только слова Дрыхлина: «Солнце – в левую щеку, в левый глаз...»

Солнце пока оставалось слева, – значит, путь еще долгий, хотя шли, как думалось Савину, уже много часов. Но это «много» выражалось лишь цифрой «три», и Савин перестал поглядывать на свои «Командирские».

Идти было легче, если отвлечься мыслями. И Савин отвлекался, заставлял себя вспоминать что-нибудь приятное. Однако память подставляла всякую ерунду или то, что он хотел бы выбросить из нее начисто. Ему мнились нервно-отзывчивые губы, виделись застывшие голубым льдом глаза и ее лицо – то как у мраморной богини, то как с рекламной этикетки.

Вспоминался вагон Московского метро, в котором было светло, тепло и малолюдно. А на улицах в то время ветер трепал по тротуарам снежные хвосты. Потому, наверное, Савин и обратил внимание на старушку, сидевшую напротив: она была в заношенном болоньевом плаще, с авоськой на коленях, из которой торчали белые тряпки.

Поезд подходил к Таганке, когда Савин встал, наклонился к женщине, спросил:

– Вы куда едете, бабушка?

Она не ответила. Он повторил вопрос.

– Не знаю, сынок.

А поезд уже тормозил, замелькали бронзово-голубоватые рамки с надписью станции.

– Малыш! Нам пора!..

Голос из прошлого прозвучал так близко, что Савин чуть не споткнулся на ровном месте, чуть не крикнул, как крикнул тогда в открывшиеся двери вагона:

– Подожди!

Но она уходила, и он бросился следом:

– Подожди!

– Старуха же пьяная!

Тоннель поглотил голубые вагоны, а Савин все видел перед собой сморщенное женское лицо.

– Она не была пьяной! – переламывая себя, громко сказал он.

– Боже мой! Зачем она тебе нужна?

Наверное, тогда, в тот вечер, шлепнулась с пьедестала мраморная богиня. Нет, не шлепнулась, а стала падать. Но кино было замедленным, и она уцелела, не разбилась. Богини неуязвимы, старятся лишь человеческие дочери, превращаясь в жалких пожилых женщин со сморщенными лицами и нитяными авоськами...

Савин выкинул из головы мраморную богиню с нервно-отзывчивыми губами, вернулся на свою неведомую тропу. И сразу же почувствовал, как отяжелели ноги... К черту ноги! Он что, самый слабый, что ли? Или не самый молодой? Все – кино! И Савин стал вглядываться в разреженную тайгу, пытаясь разобраться, по каким приметам ориентировался Дрыхлин, ведя их к зимовью на Юмурчене. Шли они не по прямой, потому что справа, словно бы в одном и том же месте, все время маячила сопка. Получалось так, что они ее огибали. А сама трасса будущей магистрали осталась еще левее, а может быть, была где-то совсем рядом: не могла же она уходить далеко от сопки, которой суждено было, по предварительным наметкам, стать карьером.

Савин приостановился, чуть отпустил стягивающие лямки вещмешка, оглянулся. Давлетов отстал, и Савин опять подумал, что немолодому начальнику еще тяжелее, чем ему. Подождал, спросил:

– Может, отдохнем, товарищ подполковник? Но тот, отрицательно качнув головой, разлепил запекшиеся губы:

– Вперед, комиссар! – Это прозвучало в устах подполковника естественно, без подтекста, без намека, и Савин воспринял «комиссара» как напоминание о большом деле, в котором нельзя останавливаться. И еще слова Давлетова развернули мысли Савина в другую сторону, подтолкнули память к одному недавнему перекрестку в его служебной биографии.

3

Это было в самом начале лета, в непролазную дорожную грязь. Из маленького аэропорта в поселке Чегдомын Савин добирался до части с попутным уазиком мостостроителей. Автодорога шла сквозь тайгу, сплошь покрытую марями – мелкими болотами, рожденными чуть оттаявшей вечной мерзлотой. Местами дорога была разрушена, и тогда уазик утонул в грязи по брюхо. Пассажиры, все, кроме Савина, в резиновых сапогах, привычно вылезали, чтобы помочь «коню». Савин вывозился так, что, уже выгрузившись, полчаса отмывался в ручье возле шлагбаума под насмешливым взглядом чистенького ефрейтора-дневального.

Был вечер, прохладный и синеватый. Сопка, возле которой располагался штаб, розово полыхала багульником. Штаб Савину не понравился: длинный сборно-щитовой барак, обнесенный забором. Помощник дежурного, цыганистого вида прапорщик по фамилии Волк, проводил его до кабинета командира, задав один-единственный вопрос:

– На гитаре не играете?

– Нет, а что?

– Учиться надо...

В кабинете из-за стола встал приземистый, затянутый в португую, лобастый, узкоглазый подполковник.

Так состоялась первая встреча с Давлетовым. Тот вежливо и сухо поздоровался с Савиным, предложил стул и, словно по обязанности, произнес:

– Расскажите о себе.

О чем Савин мог рассказать, кроме того, что было в личном деле? Сообщил, что он из двухгодичников, что в армию призвали после института и что два года был командиром учебного взвода.

– В кадрах остались без колебаний?

– Так точно.

– Семей не собираетесь обзаводиться? – опять сухо, словно и без интереса, спросил Давлетов:

– Нет.

«Нет» прозвучало поспешно, и Давлетов отреагировал на такую поспешность острым взглядом. За этим «нет» в жизни Савина маячила «королева в серебряных туфельках» – так когда-то величали на их курсе одну девушку с нервно-отзывчивыми губами. В ту пору Савин бы ответил на вопрос Давлетова – «да». Но время меняет человеческие планы и заставляет принимать самые неожиданные решения.

– С жильем у нас пока туговато, товарищ Савин, – сказал командир. – Только вагончики. А теперь о ваших обязанностях...

Из того, что начальник счел нужным объяснить, выходило, что главное в обязанностях инженера – вовремя и без ошибок отрабатывать различные документы. Давлетов доставал из ящиков стола бумаги, вручал их поочередно Савину. Посоветовал все изучить и разобраться. Вышел он от начальника, нагруженный инструкциями, графиками, наставлениями. На ознакомление со всей документацией дал ему Давлетов три дня.

На исходе второго Савин постучался к нему в кабинет и доложил, что ознакомился и разобрался.

– Самоуверенность – плохой помощник, – сказал Давлетов. – Доложите в двадцать ноль-ноль завтра.

Савин пробездельничал весь третий день, но срок выдержал и снова явился с докладом. Выслушав, Давлетов удовлетворенно кивнул и стал пространно объяснять важность отработки каждого документа.

– Я хочу на трассу, – сказал Савин.

– У военного человека не может быть слов «хочу» и «не хочу». Он выполняет приказания, проявляя инициативу в их рамках.

Поселили Савина на улице Вагонной. Наверное, старожилам и придумывать не пришлось это название, потому что она сплошь состояла из вагонов, поднятых на чурбаки-подставки. Вот и казалось, что четырехногие серые коробки построились в шеренгу и только ждут команды, чтобы зашагать в таежную глушь.

Первый раз Савин появился в своем вагончике под вечер. Дверь была открыта, хотя второго жильца не видно. Да и вообще никаких запоров, как обнаружилось, жилье не имело. На столе лежала ополовиненная пачка «Дымка». На лежанке, застланной солдатским одеялом, – гитара. Савин не разбирался в этом инструменте, но понял, что гитара из дорогих: она отличалась вишневым лаком, хоть глядись, как в зеркало. Ее хозяин не объявился ни к ночи, ни на завтра, ни послезавтра. Увидел его Савин лишь на третий день, когда тот шумно ввалился в вагончик. Был он в кителе нараспашку с капитанскими погонами и с рыжим кутенком в руках.

– Детишкам. У охотника выпросил, – вместо приветствия сказал он. – Я уже слышал, что у меня сосед появился. Давай знакомиться! Иван. Фамилия – Сверяба.

Минут через десять после его появления в вагон влетели двое белобрых мальчишек и с порога закричали:

– Привез, дядя Вань?

– Привез, Митька. Держи!

Младший бережно прижал щенка, старший завистливо покосился на него, но смолчал. Спросил, стараясь держаться солидно:

- Настоящая охотничья?
- Настоящая.
- Мальчик или девочка?
- Неужели бы я вам девчонку привез?

Мальчишки убежали, радостно хлопнув дверью. Сверяба объяснил:

- Синицына сыновья. Радости теперь через край.

Он расположил Савина к себе с первых минут. И не только расположил, но и подчинил, такая от него исходила простодушная сила.

– Что, фамилия моя тебе удивительна? – зычно спросил он в тот вечер. – Я и сам ей удивляюсь. Сколько ни кружу по свету, не встречал больше такой. Свер-ряба. Прямо разбойничья фамилия.

Был он весь невозмутимо-бравый, с солидным брюшком и хищным носом. Всегда и про все имел собственное мнение, которое высказывал категорическим басом, приправляя для вескости известным фразеологическим оборотом. И безбожно смолил вонючий «Дымок».

– Дед, – говорил он, – и сюда добралась цивилизация, ядри ее в бочку! Баню, магазинов понастроили. Парник с редиской развели. Не хватало еще свинства в подсобном хозяйстве... А все бабы виноваты! Понаехали! Очередь за шмотками образовали – за сигаретами не пробыешься... А в первую зиму, – вспоминал он, – рябчики на деревьях у самого закрайка сидели. Выйдешь утром из палатки, а они – тут, и человека не пугаются. В палатке жили – красотища! Печка топится, народ анекдоты рассказывает: коллектив!

И Савину страсть хотелось в палаточный коллектив, чтобы спать так же, как первые, – в шубах, валенках и шапках. Но не досталось ему, не выпало по жребия первопроходческого лиха.

Цивилизацию и женщин Сверяба не воспринимал. Терпимо относился разве что к одной – матери счастливых обладателей настоящего охотничьего щенка.

– Нет правил без исключений, – мрачно говорил он и тут же, махнув рукой, добавлял: – И то потому, что она жена Птицы-Синицы.

Мальчишки были у них частыми гостями, благо жили по соседству в сборно-щитовом доме, впрочем, в поселке все жили рядом. Сверяба угощал их конфетами, не переводившись у него в тумбочке, показывал фокусы и вместо сказок рассказывал про всякие мудреные механизмы, водя корявым пальцем по цветным чертежам, которые сам же и рисовал.

По должности Иван Сверяба был инженером-механиком. И по призванию тоже. А поскольку техника была не шибко приспособлена к вечной мерзлоте, да и поизносилась с начала стройки, его то и дело подымали по ночам, чтоб отправить на горячую точку. Что делать, если только он и мог подлечить никуда не годные, выслужившие все сроки бурильные станки. А без них взрыв не подготовишь, не вывернешь породу наружу, без хлеба останешься, как говорил Сверяба, имея в виду, что земля – это хлеб БАМа.

Савин завидовал его поездкам на трассу и всегда радовался, если вечером заставал Сверябу в вагоне. Обычно он лежал в майке на кровати и дымил в потолок. И почти всегда встречал Савина одной и той же фразой:

- Ну что, опять Птица-Синица от Давлета пилюлю получил?
- Опять, – подтверждал Савин, понимая, что Сверяба спрашивает о своем друге-приятеле, завалившем кварталный план по отсыпке земли.
- Нет, не поджечь синице моря! Не поджечь. А твой Давлет смотрит только под ноги.
- Это вы напрасно, Давлетов производство знает.
- Сколько раз говорить: не «выкай»... Оно и обидно, что знает, а сам глаз от белого телефона не отрывает, ядри его в бочку!

Весь первый месяц Савин корпел над бумагами. Как отголоски большой жизни, долетали до него утренние взрывы в тайге, гул моторов в карьерах. И еще безликими фамили-

ями бульдозеристов и экскаваторщиков, номерами землеройных механизмов, цифрами кубов земли. Не зная еще в лицо ни одного из командиров подразделений, он представлял их по сводкам, поступающим в штаб каждый вечер. Синицын виделся ему худеньким очкариком, суматошным и непутевым, не умеющим организовать работу землеройного комплекса. Он все время отрабатывал долги. Была уже вторая половина августа, а его подчиненные только-только начали задел месячного плана. Зато Ванадия Коротеева, от которого поступали самые внушительные сводки, воображение рисовало могучим мужиком, короткошеим, с красным, обветренным лицом. И голос его по телефону звучал густо и непререживаемо.

Однажды Давлетов вызвал Савина поздно вечером.

– Завтра в семь пятнадцать – на трассу. Посмотрите свежим глазом, что полезного у Коротеева. Приказано, – с этими словами он повел взглядом на белый телефон и сделал паузу, – обобщить его опыт. Вы и займетесь им.

Коротеев оказался худющим, с длинной кадыкастой шеей человеком, совсем не похожим на того, каким он представлялся Савину в воображении. Он метался от бульдозеров к экскаваторам и самосвалам, перекрывая своим голосом шум работающих механизмов. И там, где он появлялся, все приходило в какое-то лихорадочное движение, темп работы убыстрялся, а сам он казался центром, вокруг которого вращается маленькая планета под названием «землеройный комплекс».

– Ты – Савин? Привет! – пророкотал он при встрече и выбросил вперед руку для пожатия. – Мне звонил Давлетов. Присматривайся, запоминай. Если что непонятно – спроси. А на долгую беседу времени нет.

И Савин стал присматриваться, довольно неуютно чувствуя себя в роли наблюдателя.

Карьер Коротеева располагался на берегу реки Туюн. Полукилометровая галечная коса вся была изгрызена, изъезжена, исполосована. Краснобокие «Магирусы» – самосвалы, под завязку нагруженные гравием, уходили наверх к месту отсыпки, тяжело переваливаясь и натужно подвывая двигателями. Похожий на динозавра экскаватор то и дело опускал свою худую, длинную шею в яму и снова поднимал ее, уцепив челюстями ковша кучу грунта. Потом, разжимая зубы, глухо выплевывал ее в кузов очередного самосвала. Там, где коса тощим языком заходила в реку, работал еще один экскаватор, поменьше размером. И машинная суэта вокруг него была слабее. Деловито копошился возле него огромный жук – бульдозер, выставив перед собой блестящий железный язык, подгребая, подравнивая груды гравия.

«В чем же секрет Коротеева? Почему он дает больше всех земли?» – спрашивал себя Савин. И сколько ни вглядывался, ответа не находил. И стал думать, что секрет – в бешеном темпе, который задал Коротеев. До Савина уже дошла его крылатая фраза: «До последнего костыля с БАМа не уйду. Жилы порву, а орден получу». Иван Сверяба скалил по этому поводу свои красивые искусственные зубы и говорил:

– Брешет, язви его в бочку! Не за орден работает, а от самого себя убегает. А убежит ли?

Он дал Коротееву прозвище Многолюдкин, на что тот смертельно обиделся и даже при встрече не подавал Сверябе руки. Многолюдкин – из-за нескольких Людок, между которыми несколько лет назад совсем запутался Коротеев. Жену его звали Людмилой. И первую, давнюю любовь – Людмилой. С ней он встретился, уже повязанный семьей, и она родила ему дочь, тоже Людмилу. Он тогда пережил кучу неприятностей по службе, схлопотал партийный выговор, исказнил сам себя, почернел и усох. Перевод свой на БАМ воспринял как спасение от личных невзгод. С его отъездом обе Людмилы, жившие в одном городе, как ни странно, подружились. И подружили своих дочерей – сестер. Такую вот вертушку может закрутить жизнь, и не поймешь, где станция, где полустанок в этом вечном движении. И не соскочишь на ходу, а поезда обратно не ходят – не вернешься в пункт отправления...

Напутствуя в поездку, Давлетов посоветовал Савину обратить внимание на опыт организации социалистического соревнования в карьере. Но никакого соревнования Савин пока не замечал. Видел только работу и ощущал ее лихорадочный темп.

Он старался держаться хоть и не рядом с Коротеевым, но поближе к нему, чтоб вникнуть, разобраться, где ж все-таки этот непонятный опыт лучшего землеройного комплекса. Наверное, тот заметил, что Савин мается, потому что сам после очередного разговора-накрутки с начальником смены подошел к нему:

– Ну как, Савин-друг? Весело работаем?

– Не понял еще, – честно признался тот.

– Весело, весело, – заверил Коротеев. – Спрашивай, что надо.

– Даже не знаю, о чем спрашивать.

– Во-первых, отметь, что у меня в роте одиннадцать человек – ударники коммунистического труда. Во-вторых, высокий энтузиазм личного состава. Про него тебе лучше замполит расскажет – не буду у человека хлеб отымать...

– Ванадий Федорович, а как вы организуете соревнование среди механизаторов? – спросил Савин.

– Как положено. Я тебе дам прошлогоднюю газетку, там корреспондент описал про нас все как надо.

– Как надо или как есть?

– Ты чего? – Коротеев удивленно уставился на Савина. – Тебя за опытом прислали или блох выискивать?

– Зачем? Просто хочу понять...

– Чтобы понять, надо по стройкам с мое покрутиться, с тайгой побороться. Да не в штабе сидеть, а на трассе... Ну-ну, не обижайся. Я уже слыхал, что ты головастый мужик.

Савин внутренне поежился от этих слов, почувствовал приятность и досаду одновременно, не нашелся что ответить и подобрался, поджался, как пружина.

– Ты думаешь, мне легко кубики давать? – продолжал Коротеев. – Нет, Савин-друг, трудно. До белых колючек в глазах трудно. Вон погляди на этих красавцев! – Он показал на подножие крутого берега, где вразброс стояли шесть безмолвных «Магирусов» – самосвалов. – Шибко нежные создания, Савин-друг. Хуже баб, как сказал бы Сверяба. На всех тормозные камеры полетели. Разве эти машины для бамовских дорог? Им по асфальту кататься, а не по вечной мерзлоте.

– А если и на других тормозные камеры откажут, чем работать будете?

– В том-то и беда. Одна надежда на заразу Сверябу. Этот все равно что-нибудь придумает. Дерьмо человек, а механик золотой.

– Зачем вы так про него?

Коротеев поджал подкрашенные земляной чернотой губы.

– Не обращай внимания, Савин-друг. Все мы в чем-то дерьмо. Один больше, другой меньше. Просто у Сверябы язык колючий.

– Правдивый язык, Ванадий Федорович.

– Ладно, не будем. Опять вон трос полетел.

Коротеев крупно зашагал к дальнему экскаватору, Савин заторопился следом. Не оборачиваясь, ротный бросал на ходу, видимо, привычное и давно наболевшее:

– Сволочь эта вечная мерзлота. Тросы рвет. Зубья ковшей ломает. А где их брать? В заначке – ни шиша! На складах – шаром покати!.. Ну, чего торчишь, как пень? – крикнул он вылезшему из кабины экскаваторщику. – Вяжи трос!

– Куда вязать? – хмуро ответил тот. – Вязаный-перевязаный. Петля-то кончилась.

– Раньше о чем думал?

– Я же вам докладывал.

– Меньше докладывай, больше мозгами шевели! Небось у Кафарова трос не рвется!

– Ну да, если вы ему два запасных дали: он же маяк!

– Хурцилава! – закричал Коротеев, призывая начальника смены. А тот уже и сам мчался к ротному, высокий, стройный, с планшеткой на бедре.

– Вот офицер! – сказал Коротеев Савину. – Я его называю «лейтенант быстрого реагирования». Хоть сейчас на повышение. Только жалко в чужие руки отдавать... Ты его обязательно отметь, когда будешь листовку писать.

Лейтенант подбежал к ротному, лихо вскинул руку к козырьку.

– Вот что, Хурцилава. Хватай тягач и лети к Сеницыну! Проси, уговаривай, обещай что угодно от моего имени, но выцогань трос. А заодно хотя бы одну тормозную камеру для «Магируса». Даю ему головной блок для бурильного станка. Им сейчас без него – зарез: на скале работают.

– А если не даст?

– Значит, ты – не Хурцилава.

– А вдруг нет у него?

– У этого жмота все есть. Не вздумай без троса вернуться!

– Есть не возвращаться без троса!

Савин вслушивался в разговор, и что-то тяжело ему становилось. Почувствовал себя маленьким и беспомощным, не умеющим ни вмешаться в ход событий, ни изменить их. От этой беспомощности тихо нарождалась злость на самого себя и на Коротеева. Мгновенно вдруг возникшая неприязнь к нему теснила прежнее восхищение неистовым ротным.

А над рекой вовсю пылало полуденное солнце. Река под ним выглядела стеклянной, и там, где она налетала на валуны, стекло дробилось на тысячи осколков. Река была сама по себе, бежала на юг, торопясь миновать взрытые берега. Сам по себе жил и карьер, подчиняясь распоряжениям и жестам худющего кадыкастого человека.

К складскому навесу на яру подогнали гусеничный тягач – тяжелый, именуемый для краткости ГТТ. Коротеев уже распоряжался там погрузкой головного блока для обмена. Савин успел туда перед самой отправкой. Сказал ротному:

– С вашего разрешения, Ванадий Федорович, я тоже поеду к Сеницыну.

– Слушай, Савин-друг, это же идея! Вот спасибо за помощь. Ты от имени Давлетова действуй, тогда он не откажет. Слышь, Хурцилава, головной блок сразу Сеницыну не показывай. С тобой авторитетный человек едет, просите два троса. А насчет своего задания, Савин-друг, не беспокойся. Вечером тебе прямо в вагончик замполит привезет и газетку, и всю цифирь помесечно и поквартально.

– Товарищ капитан, – прервал его Хурцилава. – Оглянитесь. Чтоб я никогда не увидел гор, если это не Паук пожаловал.

– Он, черти бы его взяли! Совсем не вовремя.

От безработных «Магирусов» краем наезженной колеи спускался к реке невысокий полный человек в штормовке.

– Ключ от сейфа, Хурцилава, быстро! – шепотом приказал Коротеев.

– Я же весь остаток к вам в вагончик перенес, товарищ капитан.

– Склероз, Хурцилава... И ты, видишь, не вовремя уезжаешь. Ну да ладно. Езжайте, а я пошел...

Еще до того, как тоненько взвизгнул пускач, Савин услышал голос Коротеева:

– Лев Борисович! Сколько лет, сколько зим...

– Кто это? – спросил Савин Хурцилаву.

– Из Чегдомына один.

– А чего это ротный всполошился?

– Паук, будь проклят его род в лице предков и потомков! Плохо встретишь – кровь высохнет... Садись в кузов, дорогой.

Взревел двигатель. Тягач рванул с места и пошел напрямую по маревой подушке. Ах, какая сильная машина – гусеничный тягач тяжелый! Нет для него непроходимого бездорожья. Торя самый короткий путь, он укладывал под гусеницы кедровый стланик, валил стальным лбом молодые березки и лиственницы, подминал их под себя. Сидя в кузове, Савин бездумно смотрел на зеленую колышущуюся марь позади, разрезанную двумя черными колеями.

Он думал, что Синицына найдут в карьере, но лейтенант Хурцилава, видимо, не первый раз общался с ним, потому что свернул в лиственничник-подлесок и погнал тягач влево. Савин, сидя в кузове, вдруг почувствовал, что тягач пошел мягче. И в самом деле, увидел, что они вышли на дорогу, очень даже смахивающую на грейдер. Он решил было, что они попали на притрассовую автодорогу. Но не могла она быть такой зауженной, да и вообще никак не должна тут проходить. Дорога же была явно накатанной и содержалась в приличном, рабочем состоянии. По ней и выскочили к свежей насыпи магистрали, поднялись наверх и пошли по еще безрельсовой трассе БАМа. Метров через семьсот, съехав вниз, уткнулись в шлагбаум, единственное препятствие на пути к пяти вагонам, выстроенным буквой «П».

В головном и нашли Синицына.

Вместо худенького и суматошного человека, каким тот рисовался Савину на расстоянии, он увидел за столом грузноватого, лысого, слегка сутулого человека. Перед ним лежали листы бумаги, густо усеянные цифрами. Синицын оторвался от них, поднял голову. Был он седоватым по вискам, крупнолицым и сероглазым, и Савин отметил, что обликом его белобрысы сыновья пошли в отца, а щуплой фигурой – в мать. Курносый нос Синицына оседлали очки с тонкими металлическими дужками, делая их обладателя похожим на сельского учителя из старого фильма.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – преувеличенно громко и несколько фамильярно поздоровался с ним Хурцилава.

– Опять попрошайничать, Гиви? – вместо приветствия ответил тот, протягивая руку.

– Все-то вы знаете, Анатолий Петрович!

– Здравствуй, сосед Сверябы. – Синицын глянул из-под очков на Савина с некоторым любопытством и немым вопросом: он, мол, понятно, почему здесь, а ты? – Приятно познакомиться.

Выслушав просьбу Хурцилавы насчет тросов и тормозных камер для самосвалов, он спросил:

– А что, разве Ванадий не все еще «Магирусы» угробил?

– Зачем так говорить?! – воскликнул Хурцилава и весело улыбнулся всеми зубами. – Шесть штук стоят. Остальные летают.

– Как?

– Почти по воздуху.

– Я так и думал. Не дам.

Лейтенант оглянулся на Савина, рассчитывая на его поддержку. Синицын уловил взгляд.

– А вы в качестве ходатая? Уполномочены Давлетовым?

– Нет. – Савин отчего-то почувствовал стеснительность и никчемность своего присутствия здесь. Но тут же вспомнил суету вокруг замолкшего экскаватора в карьере Коротеева: а вдруг и у второго полетит трос? Пересиливая себя, он поправился: – И нет, и да. Карьер у них, действительно, может остановиться. И в ваших силах выручить соседа.

– А я при чем? У меня такие же лимиты, как и у него.

– Товарищ капитан! – с укоризненной ноткой заговорил Хурцилава. – Войдите в положение – одно дело делаем: стройку века поднимаем.

– Не агитируйте, Гиви.

– Дюжину кахетинского, товарищ капитан, когда стройку века сдадим! Две дюжины!.. Вы же знаете Коротеева: бешеный. Ну как я вернусь пустой? Голову открутит и выбросит в речку как ненужный предмет.

Синицын приблизил свои очки к глазам Хурцилавы, грустно покачал головой:

– Нету, уважаемый. Так и передайте Коротееву. – Повернулся к Савину: – Вы остаетесь у нас или обратно?

Савин, не имевший никакого намерения задерживаться в карьере Синицына, неожиданно для себя самого сказал: «Остаюсь». И совсем не обеспокоился этим. Вроде бы и на самом деле ехал специально сюда. Даже мелькнула в голове оправдательная перед Давлетовым мысль: «Чтобы понять опыт Коротеева, я должен увидеть, как работает отстающий комплекс».

– Товарищ капитан! – закричал Хурцилава. – Я вам головной блок привез. В интересах производства.

Синицын, слушавший лейтенанта уже нетерпеливо, никак не отреагировал на его последнее слово. Но все же неумовимо выказал свой интерес. Савин засек это по его мимолетному взгляду через окно на кузов тягача.

– Блок новый?

– Клянусь горами Кавказа!

– Два троса и одна тормозная камера?

– Две, товарищ капитан...

Синицын его уже не слушал, набросал записку, запечатал в конверт.

– Найдите прапорщика Асадова...

– Все знаю, все найду... – И Хурцилавы как не было.

До самого вечера, до конца рабочей смены, Савин находился в расположении роты Синицына. И чем больше вникал в работу его землеройного комплекса, тем больше проникался симпатией к командиру. Он не шумел, не мотался как заведенный от механизма к механизму, да и нужды в этом не ощущалось. Люди работали будто бы и неторопливо – брали пример с Синицына, что ли? – но все шло как по раз и навсегда заведенному, без остановок и поломок. На огромном фанерном щите, прибитом к двум листовницам, были выписаны фамилии водителей самосвалов. Против каждой из них начальник смены проставлял мелом количество сделанных рейсов. Савин подсчитал, прикинул, учитывая рабочий ритм, приблизительный конечный итог и обнаружил, что сменное задание должно быть перевыполнено. Если всегда так, то почему отставание?

– Анатолий Петрович, – попросил он, – объясните, пожалуйста, почему вы так сильно отстали по кубам от Коротеева?

– А разве не видно? – спросил он.

– Видно. Но не все, опыта не хватает.

– Бесхитростный вы человек, Евгений Дмитриевич. Сверябе редко кто нравится.

– А все же, Анатолий Петрович?

– Видите, день на закат пошел. Завтра будет новый день. Потом еще, и так бесконечно. Чем Коротеев станет работать завтра? Не знаете? И он не знает. Ему давай процент сегодня...

И Савин вдруг представил себе картину: молчаливые экскаваторы, молчаливые «Магистры», молчаливый карьер, по которому мечется, не жалея себя, Коротеев. Но что он сделает, если нет у него запчастей, если повыходили механизмы из строя? У Синицына такого не случится. Получая чуть ли не ежедневно нахлобучку от начальства за то, что он недодает кубы в насыпь магистрали, Синицын распорядился отсыпать подъездные пути. Вроде бы выкинул землю на ветер, потому что подъездные – это временка, это бросовые дороги. По такой, бросовой, почти грейдерной, и шел тягач, на котором Савин сюда добрался. Зато у Синицына не летели тормозные камеры на самосвалах, зато и техника вся была на ходу. В это же время его люди отсыпали площадку под жилые вагоны, совсем рядом с карьером, и переселились в них

на временное жилье. Даже баньку срубили на берегу ручья, неказистую, тесноватую, но настоящую – париться можно. И понял Савин, что та бухгалтерия, которую он вел, сидя в штабе за столом, это только арифметика производства. А алгебра – вот тут, у отстающих на сегодняшний день. И выражается она двумя словами: видеть и предвидеть...

На другой день, после утреннего построения, он зашел к Давлетову в кабинет. Тот был не один, а со своим замом по политчасти майором Арояном. Все офицеры называли замполита по имени-отчеству – Валерий Георгиевич. И всем было известно, что по документам он Рубик Геворшакович. Но, видно, от жены Маруси пошло: и на людях, и, говорили, даже наедине она называла его Валерием Георгиевичем. По имени и отчеству. Трудно, наверное, ей было привыкать к нерусскому имени, вот и переименовала.

Арьян в чем-то горячо и, как всегда, несколько торопливо убеждал командира. Увидев Савина, замолчал. И Давлетов вроде бы вздохнул с облегчением. Встретил Савина почти незаметной улыбкой, затаившейся в прорезях глаз.

– Побывали на трассе, товарищ Савин?

– Побывал.

– Когда отработаете документ по обобщению опыта?

– Чьего опыта?

– Не понял вас.

– Если вы имеете в виду комплекс Коротеева, то опыта у него нет. Через два месяца он скатится на последнее место. А Синицын выйдет на Юмурчен лидером.

– Прошу объяснить ваш вывод...

Может быть, Савин объяснил не совсем толково, путано, потому что улыбка из глаз Давлетова исчезла и его решение было как тычок в лицо:

– Неубедительно. Обобщайте опыт Коротеева. Мы уже дали его кандидатуру.

– Я не стану этого делать.

– Товарищ Савин!

– Это обман, товарищ подполковник.

– Погуляйте, Евгений Дмитриевич, – вмешался Арьян. – К этому разговору мы вернемся...

...Прошла неделя, другая. Савин корпел над производственными сводками и расчетами и все ждал, когда его призовут продолжить разговор. Но никто не призывал, никто не заставлял обобщать коротеевский опыт.

Объяснилось все в один субботний день, когда он развернул многотиражную газету и увидел во всю страницу заголовок «Коротеевцы». Видно, Давлетов, видя строптивость Савина, попросил это сделать журналистов. Савин читал про «лучший землеройный комплекс» и тихо мучился, как от зубной боли. Были в тексте и «ударники коммунистического труда», и цифры, и «мужественное, с умными глазами лицо командира роты». Только опыта не было, хотя под заголовком стояло: «Обобщаем передовой опыт...» «Для чего? Зачем?» – переживал Савин. Заговорил об этом со Сверябой, но тот отреагировал по-своему:

– Плюнь и разотри! Словоблудие, ядри его в бочку!

– Но ради чего?

Для долгой беседы времени в тот вечер не было: у вагончика Сверябу ждал ГАЗ-66 вместе с «лейтенантом быстрого реагирования» Гиви Хурцилавой. Тот, выполняя поручение Коротеева и заручившись согласием Давлетова, с умоляющим достоинством упросил Сверябу не мешкать, потому что «весь карьер плачет»: встал экскаватор, и никакой надежды, что ремонтники справятся своими силами.

Сверяба буркнул Хурцилаве:

– Собираюсь, – и махнул рукой: жди, мол, в машине.

– Так зачем словоблудничать-то? – не мог успокоиться Савин.

– Положено, дед. – Сверяба вздохнул, словно шевельнул мехами, шлепнул на прощание своей огромной ладонью по руке Савина. Еще раз вздохнул. Сказал: – Тяжелые ты вопросы задаешь... Я уехал...

Не успел истаять звук мотора, как в дверь постучали. Савин даже растерялся, увидев Арояна на пороге. Разом, словно посторонний, охватил взглядом свое жилье. В консервной банке на тумбочке полно окурков, резиновые сапоги разбросаны, вафельное полотенце возле умывальника далеко не снежной белизны. Но Ароян вроде бы и не заметил всего этого, хотя Савин точно засек, что заметил.

– Чаем угостишь? – спросил замполит.

Чай был еще горячий, и заварка свежая, и конфет в тумбочке Сверябы была полная картонная коробка.

Вот тогда и продолжился разговор, завязавшийся от савинского: почему «положено»?

– ...«Положено» – не то слово, – сказал Ароян про газетную листовку. – Дело в том, что не всегда мы еще оцениваем свои дела по степени полезности. Одна из причин – сила инерции мышления. Страшная штука, Евгений Дмитриевич. Страшная, потому что почти незаметная из-за своей обыденности. Вот и давайте вместе бороться против бесполезности дел и поступков.

Бороться Савин был согласен, только не знал, с кем и как. Потому спросил:

– С кем бороться-то? – и не предполагал, чем все это для него обернется.

– Наверное, в первую очередь с самим собой? – Ароян ответил вроде бы с какой-то вопросительной интонацией, сделал паузу, будто давая Савину время на осмысление. И продолжил так, что Савин и нагадать не мог: – Сватать вас пришел, Евгений Дмитриевич. На комсомольскую работу. Секретарем комитета части...

Савин даже растерялся от такого несуразного, на его взгляд, предложения.

– Н-нет, товарищ майор. Я – инженер.

– Вот и прекрасно. Инженерное образование поможет комсомольской работе. Сделает ее конкретной. Вы думаете, что партийная и комсомольская работа – только с трибуны выступать?

– Выступать я совсем не умею.

– Тоже не минус. Хотя и не плюс.

– Нет, товарищ майор. Не сумею! Да и не хочу.

– Не торопитесь, у вас впереди целый месяц.

– Все равно не согласен, – сказал Савин.

Но через месяц согласился. А сам все продолжал быть в сомнениях и растерянности. Но, видно, замполит обладал даром убеждения, коли его слова о том, как много может сделать комсомол на молодежной стройке, заморозили Савина, нашли отклик в его технической душе.

Отчетно-выборное комсомольское собрание прошло для Савина как в тумане. Он не чувствовал никакого контакта с залом, в котором видел почти сплошь незнакомые лица. Отчетливым было только удивление, когда он узнал, что избран единогласно. Подумал: «Как же так? Они же меня совсем не знают...»

После собрания его поздравили Давлетов с Арояном. Сверяба, грустно оглядев его воловьими глазами, произнес:

– Эх, дед! У тебя ведь инженерная голова...

Была суббота. Топилась баня на берегу ручья. И там, в парильне, Коротеев, которого только что отходил двумя вениками Гиви Хурцилава, сказал между прочим:

– Ну что, Савин-друг, теперь тебе рабочее место убрать – только рот закрыть, а?...

4

Вот какие воспоминания высвободила память Савина из ближних закоулков, когда он услышал от подполковника Давлетова: комиссар. То ли думы помогли, то ли втянулся, но почти незаметно миновал еще час ходьбы. Солнце переместилось правее, светило уже в левый глаз. Дрыхлин все не объявлялся, видно, убежал далеко вперед. Савин оглянулся: командир поотстал, даже лица не разглядеть за белым облачком пара. Нелегко давалось Давлетову бездорожье, он двигался пошатываясь и наклонившись вперед, словно бодал головой воздух.

Все-таки Давлетов чем-то выделял его, Савина, как-то выказывал свое расположение, правда, совсем неуловимо, по-своему, по-даветовски. Хотя, кроме неприятностей, Савин понимал это, ничего он командиру не принес. Правда, неприятности – особого рода, плюнуть и растереть, как говорит Сверяба. Но не тот человек Давлетов, чтобы плюнуть...

Подождав командира, Савин снова зашагал по дрыхлинской лыжне. Чтобы не думать о глубоком снеге и тяжести рюкзака, спросил себя: «Что там у нас на экране телевизора? Два закуржавелых мужика?» Мелькнули льдисто-голубые глаза и исчезли, уступив место тому, что было ближе и вроде бы даже переживательнее. Потому что в работе без переживаний нельзя. Даже прежний комсомольский секретарь, которого все считали лодырем, тоже переживал. Савин понял это по одной фразе, когда тот, сдав минут за пятнадцать все дела, сказал с облегчением:

– Шабаш! Надоело отвечать за все и ни за что, – и уехал в другой гарнизон начальником клуба.

Первые дни секретарства Савин чувствовал себя неприкаянно, несмотря на участливость Арьяна и всякие его добрые советы. Не мог определить свое место, чтобы эти советы реализовать. И потому мучился, не видя, как конкретно «включиться в подготовку слета победителей социалистического соревнования». Передовиков он знал наперечет, еще работая в производственном отделе, по сводкам. Список тех, кто поедет на слет, будут составлять командиры рот. А как еще «включиться»?... Или опять же общетрассовый смотр-конкурс на лучшую патриотическую песню?... И без Савина к смотру шла подготовка. Вечером из клуба звучно лилось «Дорога железная, как ниточка, тянется...». Он думал: «При чем здесь ниточка?...» Заглянул в клуб, послушал, слегка оглох. Поехал на трассу к Коротееву, прихватив газеты и письма. Командир роты встретил, как показалось Савину, без прежней уважительности, даже без «Савин-друг».

– Если политинформацию проводить, то некогда. В обеденный перерыв можешь сказать героям, пару мобилизующих слов...

Мобилизующих слов Савин не нашел даже в обеденный перерыв и показался сам себе бездельником. Каждый из механизаторов имел свое дело, свои обязанности. А у Савина вроде бы и не было никаких обязанностей. Таких, чтобы потрогать, пощупать... Выглянув из кабины бульдозера, с ним поздоровался сержант Юра Бабушкин, которого тоже избрали в комсомольский комитет. Экскаваторщик Мурат Кафаров, худенький, чумазый и злой, проворчал что-то нечленораздельное на вопрос о запасном тресе. Савин отвел душу только со Сверябой, который вторые сутки «гостил» у Коротеева, пытаясь вернуть к жизни бездыханные самосвалы.

– Тошно, дед? – спросил Сверяба.

– Тошно.

Река слегка парила, струи Туяна все дробились о камни, только не рассыпались, как в августе, бриллиантовыми крошками. Небо зацвело серым, вот-вот сыпанет снегом. Сверяба сидел на валуне, бушлат ему был явно маловат, он распахнул его, подставив грудь речному ветру.

– Мозгой шевелить надо, дед.

И вот тут вдруг что-то сдвинулось в мыслях Савина: может, действительно «шевелнулась мозга»? Он увидел себя со стороны, неуверенного и суетливого из-за сиюминутной готовности взяться за любое дело. А зачем за любое? Надо сначала определиться, найти рабочий стержень. Человек всегда хорошо делает свое и спустя рукава – чужое. А что «свое»? У Кафарова вон – экскаватор, трос в заначке, у Бабушкина – чтобы бульдозер работал как часы. А комсомольский секретарь, может, им до фени. Положен по штату – и ходит себе. Положено ему собрания проводить – и проводит. А в карьер приперся от блажи... Они и голосовали-то за него, возможно, потому, что «положено», не задержавшись даже мыслью на том, что это их дело, что от их решения может быть польза, большая или малая, а может, и вообще никакой пользы не быть.

– Понимаешь, Трофимыч, людей надо разбудить, – сказал Савин и понял, что перегнул. Чего будить, если и так все выкладываются до последнего. – Собрания наши надо разбудить, – уточнил он.

– Какие собрания? – спросил Иван.

– Любые. Собрание – чтобы решать, а не отсиживать. К собранию у каждого человека должен быть личный интерес.

– Личный – это, конечно, здорово.

Савин не захотел уловить иронию.

– Вот хоть решение отчетно-выборного. Там же выполнять нечего: повысить, усилить, улучшить... Почти слово в слово, как в прошлом году. Такой же горох об стенку... А если не писать заранее проект решения? И список выступающих не составлять? Пусть каждый предлагает, что хочет, а?

– А если никто ничего не захочет?

– Но ведь у каждого что-то болит, есть какие-то мысли.

Сверяба молча покачал головой, и непонятно было, одобряет он Савина или нет. Снял фуражку, взъерошил шевелюру, вздохнул могучей грудью:

– Ты Арояну говорил?

– Мне только что это в голову пришло.

– Не знаю, дед. Вроде так не принято. А оно и лучше, что не принято. Жми, ядри его в кочерыжку...

Повестка дня, рекомендованная политотделом, звучала так: «Задачи комсомольской организации по улучшению производственной дисциплины, неуклонному выполнению социалистических обязательств и плановых заданий четвертого квартала». Савин предложил другую: «Что нам мешает в работе?» Ароян с этим согласился. Но в последний момент стало известно, что на собрание придет помощник начальника политотдела по комсомолу капитан Пантелеев, и Давлетов твердо решил:

– Никакой самодеятельности, товарищ Савин. Как рекомендовано, так и проводите.

Накануне выпал снег, присыпал лед на лужах. Клубные печи открыли зимний сезон, в зале было жарко и уютно.

Доклад делал командир. Савин пытался сосредоточиться на том, что он говорил, но мысли уплывали от доклада. Голос Давлетова звучал, словно из-за стены, привычно и ровно. От этой привычности Савин даже перестал беспокоиться за «потом», когда начнутся прения; косил взглядом на капитана Пантелеева, который сидел за столом президиума с краю и что-то записывал в блокнот. Что? Цифры, которые называл Давлетов? Отклонившись назад, он все-таки заглянул в блокнот и увидел кучу женских курносых лиц в профиль...

Доклад кончился, и Савин, уйдя от «вопросов в письменном виде», предложил задавать их сразу. Вопросов не последовало, и он объявил начало прений. Объявил и тут же понял, вернее, почувствовал, что собрание провалено. Взывал к желающим выступить, но все призывы разбивались о тишину. Приглашал откровенно высказываться о том, что мешает работе, но

в зале лишь прошел шумок, и опять все стихло. Наконец слово попросил Гиви Хурцилава, и Савин, нехотая вспомнив его прозвище «лейтенант быстрого реагирования», сказал ему мысленно «спасибо». Хурцилава начал с обстановки высокого трудового подъема в стране и на БАМе. Сослался на заметку в газете «Красная звезда» и на обобщенный многотиражной газетой опыт работы их роты. Потом выступили Ароян и Пантелеев. Помощник по комсомолу закончил свою речь тем, что пожурил комсомольцев за неактивность, доброжелательно так пожурил, и сам же предложил заслушать проект решения.

Савин встал и обреченно объявил, что проекта решения нет, что он надеется на предложения из зала. Подполковник Давлетов побагровел, уколол секретаря взглядом и, втянув голову в плечи, устался в стол.

Зал зашушукался.

Ароян невесело пошутил:

– Лес рук.

В этот самый момент ослепительно вспыхнули электрические лампочки и разом погасли. Стало темно, как в закупоренной бочке. Кто-то хихикнул в темноте. Зычный голос прапорщика Волка объявил:

– Зайцев – на выход!

Зал грохнул от смеха, представив щупленького киномеханика рядового Зайцева, с опаской относившегося к нахалистому Волку. Киномеханик нужен был, чтобы запустить движок аварийного освещения. Слышно было, как он пробирался к выходу под возгласы: «Ну, заяц, погоди!..»

– Есть предложение перенести собрание в связи с отсутствием света, – слышался голос капитана Пантелеева. – Возражений нет?

Комсомольцы были единодушны в своем «нет». Лишь один голос, похоже, сержанта Бабушкина, неуверенно произнес:

– Продолжить собрание...

Спускаясь с высокого крыльца, Савин услышал, как Давлетов говорил Арояну:

– Доэкспериментировались вы с новым секретарем. Теперь разговоров не оберешься.

– А может, все на пользу, Халиул Давлетович?

– На пользу Пантелееву – факт для конференции...

В штабе у Савина была маленькая, похожая на чулан, комнатуха с солидной табличкой на двери: «Комитет ВЛКСМ». Он потерянно уселся за стол, переживая не за собрание, а за то, что подвел командира с замполитом. В груди копилась обида на тех, кто не внял его призыву, отмолчался. Копились досадливые мысли про равнодушие и равнодушных, о которых какой-то умный человек сказал, что их надо бояться больше, чем врага. И еще про то, что напрасно он не послушался Сверябу и взялся не за свое дело. Ему ли призывать с трибуны, если даже связать два предложения под прицелом глаз ему тяжело? Он и на собраниях-то прежде выступал только под самым категорическим нажимом. Маялся, готовясь к выступлению, исчеркивал десятки листов, пока не отбеливал каждую фразу, не думая о том, что она выходила гулкой и пустой, как длинный коридор. А выйдя к трибуне, боялся оторваться от текста, шпарил скороговоркой и облегченно вздыхал, свалив с себя трудное поручение.

Но если сам он такой, то чего хотел от других? Это все Ароян: зажечь, поднять, уйти от словесной шелухи и лозунгоголосо, революционизировать комсомольскую работу, потому как БАМ – стройка века, принявшая эстафету первых пятилеток. Заворожил замполит, только не сказал, как это – «революционизировать»? В мыслях все выстраивалось четко и гладко. А гладко не бывает, если что-то ломать приходится...

Он сидел в своей клетушке и ждал, что Ароян заглянет, захочет поговорить с ним. Но не предполагал, что тот зайдет вместе с Пантелеевым. Савин вскочил из-за стола, уступая место

гостю. Тот сел, сказал Арояну «до завтра», а Савину приглашающе и по-хозяйски показал на табурет. Когда Ароян вышел, спокойно так спросил:

– Так как же получилось, Евгений Дмитриевич, что вы не подготовили собрание? У капитана был лоб мыслителя; глубоко посаженные светлые глаза смотрели на Савина с участием.

– Я не хотел готовить собрание.

– То есть как?

– Собрания проходят бесчувственно и, кроме вреда, ничего не приносят.

– Что-то, Евгений Дмитриевич, я не слышал о чувственных собраниях.

– Они должны настраивать людей!

– Это другое дело. Но у вас-то получилось – расстраивать. Выступающих не было, и даже проекта решения, основного ориентирующего документа, не подготовили. Вы советовались с заместителем командира по политчасти?

– Нет.

– Напрасно. Он бы уберег вас от такой партизанщины.

– Товарищ капитан, но ведь из-за проектов решения все голосуют бездумно, не вникая в то, за что голосуют. И тут же забывают, за что поднимали руку. И собрание получается, как шар: катится, а следа нет.

– Это если плохой проект решения.

– Но они все плохие!

– Евгений Дмитриевич, мы с вами говорим на разных языках. Вы считаете, что у вас в части все в порядке с примерностью комсомольцев, изжиты случаи нарушения воинской дисциплины и срыва плановых заданий?

– Не считаю.

– И правильно, что не считаете. Рота Сеницына до сих пор в должниках ходит. Сколько в ней комсомольцев?

– Семьдесят восемь процентов.

– Вот видите! Если бы каждый из них показывал примерность, она бы давно была в передовых.

– Рота и будет передовой.

– Очень хорошо. Ваша задача как комсомольского вожака, будить в людях чувство ответственности за дело. Воспитывать страстным словом, каждым мероприятием... – Беседа длилась, наверное, не меньше часа. На Савина обволакивающе действовала убежденность, с которой тот объяснял истины вроде бы и азбучные, но и не такие простые. Он не верил этой кажущейся правильности. Но молчал. Понимал, что возражать бесполезно.

– Просчеты на первых порах бывают у каждого, – сказал Пантелеев и встал, давая понять, что разговор подошел к концу. Положил руку Савину на плечо и, словно ставя точку под официальной частью, перешел на «ты»: – Пооботрешься. Опыта наберешься. На мою помощь всегда можешь рассчитывать... Ну, а насчет прокола с собранием, я не буду его записывать в акт. Мне даже импонирует твоя партизанщина, сам такой был. Главное в любом нашем мероприятии – это организующее начало...

5

«Удивительно, – думал, шагая по тайге, Савин, – одни и те же слова могут иметь в устах разных людей разный смысл». У Пантелеева – организующее начало означает продуманный сценарий, иногда даже спектакль. У Давлетова – подробный план: кому, что и как делать – и все от сих до сих. А у него, у комсомольского работника Савина?...

Минуты ползли и бежали одновременно, складывались в часы. Солнце уже светило в лоб. Значит, по предсказанию Дрыхлина, Юмурчен близко, и их пути вот-вот придет конец. Лист-

венничник стал гуще, в него то и дело вставали сосенки, радуя глаз зеленью и знакомостью. Солнце уже светило в лоб. Значит, близок и конец их путешествию.

– Не слышу песен, отцы-командиры! – Дрыхлин появился из густого подлеска, как белый призрак: весь обсыпанный снегом.

– Далеко еще? – спросил Савин.

– Рот на ширину приклада, Женья! Взгляните внимательнее.

И тут Савин разглядел приземистую избушку, прикрытую березнячком.

– А где Юмурчен?

– Внизу. Под зимовьем.

Подошедший Давлетов сел прямо на снег. Дрыхлин сказал ему:

– Вставайте. Простудиться сейчас легче, чем ширинку расстегнуть.

– Вы что-нибудь понимаете, Женья? – спросил Дрыхлин, расшвыривая сугробик возле двери.

– А что?

– Посмотрите. С каких это пор туземцы верят в русскую подкову?

К дверному косяку и на самом деле была приколочена подкова.

– Говорят, к счастью, – ответил Савин.

Дверь проскрипела, впуская их. В зимовье было сумрачно, свет пробивался лишь сквозь полузалепленное снегом оконце.

Приблизительно таким Савин и представлял жилье охотника. На нарах сохатинная шкура, подушка и спальный мешок. Грубо сколоченный стол с керосиновой лампой. Потолок зарос ином, видно, хозяин давно не ночевал здесь. Но рука его чувствовалась. У порога притулился топор, между железной печкой и нарами ровной поленицей лежали дрова. В самой печке аккуратным топырком была уложена на сухой мох лучина. Дрыхлин поднес спичку, мох голубовато загорелся. Но дым через дверцу повалил в избушку.

– Снегом забило дымоход, – деревянно произнес Давлетов. Он еще не отошел, сидел на нарах без движения.

Савин вызвался прочистить трубу, хотя ему до смерти неохота было подниматься с березового чурбака. Дрыхлин, разглядывавший на подоконнике какие-то рогатульки, остановил его:

– Я сам, – и выкатился наружу.

Слышно было, как он загремел чем-то, потом глухо застучал по трубе. Савин, собравшись с силами, тоже вышел из зимовья. Дрыхлин стоял на лестнице, высвечивал карманным фонарем чердак.

– Знаете, Женья, здесь лыжи, – сказал. – Может, и хозяин близко.

К реке от зимовья вела запорошенная тропка. Савин пошел по ней и остановился у самой кромки крутого берега. Юмурчен спал, закутанный в снежное одеяло.

Подошел, ровно бы подкрался, Дрыхлин. Савин повернулся к нему:

– Что за рогатки вы разглядывали в зимовье?

– Охотничий инструмент. На нем шкурку соболя растягивают.

– Никогда не видел соболя.

– Королевский мех, Женья! Самый красивый – игольчатый соболь. Представляете, по черному меху – серебряные нити. Бешеные деньги! Вашей бамовской зарплаты не хватит на одну шкурку.

Савин подумал: «А кто же их носит, такие дорогие шкуры?» И тут же вспомнил магазин мехов в Столешниковом переулке, куда он забрел как унылый попутчик своей королевы, увидел ее нервные пальцы, разглаживающие мех шубы, на которой висела бирка с четырехзначной цифрой. Потом возле шубы появилась красивая фарфоровая женщина с плавными жестами,

а с ней невзрачный носатый мужичок, выплативший враз эту несусветную из четырех цифр сумму...

Мелькнул кадр из прошлого и исчез. Не место ему было в этой боголепной тишине уходящего дня.

Дрыхлин потопался, ушел в зимовье... Савин еще постоял, чувствуя, как густеет вечер и ползут с той стороны реки глубокие тени. Из трубы потек дым и белым рукавом потянулся вверх.

Когда Савин вошел в зимовье, иней по углам уже не курчавился. Давлетов зажигал керосиновую лампу, стоявшую на столе. Стал вставлять в горелку стекло, оно тут же лопнуло.

– Горожанин вы, Халиул Давлетович, – сказал Дрыхлин. – Разве можно холодное стекло на огонь? Давлетов не ответил. Достал из своего вместительного рюкзака толстую амбарную книгу, из внутреннего кармана полушубка – свой любимый (не стынет на морозе) химический карандаш и сосредоточенно, с тугими раздумьями стал писать при свете копилки.

Поначалу Савину казались странными эти ежедневные записи, потом стало просто любопытно, что же такое начальник пишет. Была возможность заглянуть за серый переплет. Но Савин пересиливал любопытство, хотя Давлетов несколько раз за эти десять суток и оставлял книгу без присмотра. А позавчера вдруг сам предложил познакомиться с записями и вроде бы даже потерял на тот миг невозмутимость:

– Секрета не делаю.

На первой странице синим фломастером было написано: «Тем, кто будет изучать историю строительства Байкало-Амурской магистрали». Далее шли обычные дневниковые заметки. «Я – руководитель десанта. Наша задача – доставить на место будущей станции землеройную технику, оборудование для строителей и емкости с горючим, уточнить места карьеров с допустимым плечом возки до места отсыпки, поставить две вертолетные площадки...» «Дал указание Савину произвести обмер скального прижима и установить...» «Опережаем график почти на сутки...»

Вот уж не думал Савин, что непроницаемый Давлетов так хочет зацепиться за историю. Упрямый он мужик, может быть, и зацепится. Если уж что-то ему поручили, то расшибется, а сделает от сих и до сих. Лобастый, как ГТТ, на котором они сегодня ехали, с короткой шеей, коричневой и шершавой, как печеный блин, он выглядел крепким и здоровым, хотя ему было за пятьдесят. Казалось, он жил по раз и навсегда заведенному будильнику. Ежевечерне скоблился до синевы при свете «летучей мыши» опасной бритвой, выливал на лицо две пригоршни одеколона и, крикая, до красноты растирал щеки. И заставлял бриться всех, категорически отрицая таежные бороды...

Когда я читал своим бамовским друзьям еще в рукописи эту повесть, Миша Кашин сказал:

– Красиво звучит – Юмурчен. И река красивая.

Алексей Михайлович Железнов добавил:

– Красивая, но буйная. Особенно весной.

А когда мы дошли до конфликтной ситуации, все дружно воскликнули:

– Такого не было!

– Было, – возразил Валерий Айдынян. – Не у нас, а в Февральске. А ты знаешь, что с нашим представителем заказчика случилось?

– Опять вы про конкретных людей и про конкретные факты, – стал объяснять я. – Герои повести вымышленные. Имеет же право автор на художественное обобщение?

– Имеет, – неуверенно согласился Юра Назаров.

Потом начались воспоминания о действительных делах и событиях, которые мы пережили вместе. И, комментируя их, бамовцы говорили:

– Тут ты малость загнул.

Потому, чтобы избежать кривотолков, должен признать, что в основу повести, конечно же, легли личные впечатления о БАМе, где я трудился около трех лет. Но конкретных прототипов героев нет. И если кто-то кого-то признает по отдельным признакам, похожим ситуациям, то это совсем не означает, что так оно все и было в реальности.

Глава вторая. Зимовье

1

Печка шипела, ворчала, постреливала. На мгновение примолкла, запела ровно, и сразу же на бревенчатых стенах заплясали причудливые блики.

– Думаю, охотник простит, если мы у него пшенку позаимствуем, – сказал Дрыхлин и, не обращая внимания на возражающий жест Давлетова, проворно снял с притолоки мешочек...

Было совсем неплохо в этой закинутой на край света избушке. Коптила струйкой лампа без стекла. От печки заметно плыло тепло.

– Товарищ подполковник, – обратился Савин к начальнику, – а зачем нам эта последняя кривулина?

– Какая кривулина?

– Сначала мы шли на тягаче – и почти все время с левым подъемом. А пешком – держали направо и обогнули сопочник по подкове.

– Трасса заложена в проекте, товарищ Савин, с учетом речных карьеров.

– Так карьер-то всего один, здесь. А если поискать прямую?

– Не понял вас.

– Соединить основания подковы?

– Это не в нашей компетенции, товарищ Савин, – произнес после паузы Давлетов.

– Если бы мы, командир, нашли прямую, – сказал Дрыхлин, да на миллиончик насчитали удешевление трассы, премией нас не обошли бы. Только изыскатели тоже не дуриком тут шатали.

– Но ведь они могли ошибиться, – возразил Савин.

– Не могли, – хмуро отозвался Давлетов.

Избушку между тем заполнил сытный аромат тушенки. Когда каша поспела, они подвинули чурбаки к столу. Савин открыл банку скумбрии, глянув на которую, Дрыхлин сказал:

– Я – пас, – и провел ребром ладони под подбородком: сыт, мол, бамовским пайком по горло. Спросил: – Как насчет по маленькой?

Давлетов покосился на вещмешок Савина, где хранился НЗ – фляжка со спиртом.

– Нельзя! – сказал. – Неприкосновенно.

– В нашей жизни, командир, все прикосновенно. Только меру надо соблюдать... – И вдруг насторожился.

И все насторожились. Явственно донесся собачий лай, простуженный, неприветливый. Приблизился к зимовью. У самой двери кто-то завозился. Затем она распахнулась, запустив белый валок морозного пара. В проеме показался мохнатый рыжий малахай. С карабином наизготовку вошел охотник, невысокий, закужавелый и вроде бы даже не по сезону легко одетый. Остановился у порога, настороженно оглядел гостей. Так же настороженно, уши торчком, застыла у его ног собака.

– Извините нас, товарищ охотник, – привстал с места Давлетов.

Тот легонько шлепнул рукавицей собаку между ушами. Она нехотя и недовольно попятилась, исчезла за дверью, которую охотник тут же закрыл. Поставил карабин в угол, стянул с себя наплечные лямки. Вместо рюкзака, как ожидал Савин, из-за спины появилось что-то вроде доски с ременными тесемками, перехватившими топорик и два холщовых мешочка. Охотник повернулся к свету и оказался совсем безусым мальчишкой. Протянул Давлетову узкую ладонь:

– Здравствуй, гость!

Все так и ахнули: женщина!

– Здравствуй, гость! – сказала она Дрыхлину, задержавшись на нем взглядом. Затем протянула руку Савину, ощупала глазами его лицо: – Здравствуй, бое!..

Мужики – они и есть мужики. Задвигались, засуетились, даже набросили на один из чурбаков шубу, устраивая для охотницы сиденье. Она сняла с себя подпаленную оленью парку, осталась в меховой безрукавке, надетой на пуховый серый свитер. Безрукавка была такой же, как и их «забайкальские майки», только у них овчина крыта зеленой грубой тканью, а у нее мехом наружу и с подкладкой на меху. Так что не совсем легко была одета. А точнее – легко, но тепло. Сбросила с головы рыжий малахай, и сразу сыпанули черные волосы. Савин подумал, что ей лет двадцать или чуть больше. Волосы скрыли скуластость, губы стали мягче очертанием.

Прежде чем сесть к столу, она спросила Савина:

– Как тебя зовут, бое?

Он запнулся с ответом, будто вопрос был из трудных.

– Зачем молчишь?

– Женя, – назвалса он.

Она снова протянула ему руку: – Оля, – и всем: – Ольга.

Села на приготовленный для нее чурбак, обежала взглядом стол.

– Удобная еда, – кивнула на открытую банку тушенки.

– Доставайте, Женя. – Дрыхлин показал взглядом на вещмешок. – Теперь сам Бог велел. Давлетов согласно кивнул. Савин достал фляжку, передал Дрыхлину. Тот глянул на охотницу.

– Не возражаете?

– Мне одну ложку, – не чинясь, ответила она.

– Как это «ложку»?

– Из ложки выпью. Больше Бурхан не велит.

Дрыхлин наплескал в кружки, ей – тоже. Давлетов кинул в свою кусок льда и чуть добавил кипятку. Ольга спросила:

– Спирт?

– Питевой, – ответил Дрыхлин.

Она встала, отвязала от заплечной доски, что служила ей вместо рюкзака, одну из торбочек, достала термосок, маленькую белую кружку и деревянную ложку. Налила из термоса коричневой жидкости, поставила между собой и Савиным. Ложку наполнила спиртом.

Дрыхлин поднялся.

– За хозяйку! – Наклонился к ней. – За вас, Оля!

– Ольга, – поправила она.

Савин поперхнулся, закашлялся, не приходилось употреблять чистый. Охотница протянула ему свою кружку.

– Попей, бое.

Савин послушно сделал несколько глотков. Напиток слегка горчил, кислил, но пить его было приятно. Он отдышался, сказал признательно:

– Спасибо.

Она ответила ему взглядом и кивком. Взяла у него кружку, схлебнула с ложки и сразу запила. Давлетов спокойно доцедил свою порцию.

Изредка охотница обегала всех коротким взглядом, чуть задерживаясь на Савине. И Дрыхлин иногда тоже любопытствовал глазами, поглядывая на нее. Затем снова плесканул по кружкам:

– За умные таежные законы! – произнес со значением.

Она неопределенно качнула головой. Отодвинула свою кружку. Спросила, уставившись на него бездонными глазами:

– Тому, кто их нарушил – смерть, да?

– Так велит закон, – ответил Дрыхлин.

– Неоправданная жестокость, – проговорил Давлетов.

Она вздохнула. Дрыхлин сказал:

– В нашем мире без жестокости не обойтись. Как и без денег.

– А у тебя, гость, много денег?

– Деньги улетают, как птицы, а годы летят, как деньги, – глубокомысленно изрек он. – Давайте все-таки, Ольга, символически!

– Нет, – отказалась она.

А мужики выпили.

Больше всего Савина удивляло в этом странном застолье то, что с ними выпивал Давлетов. Тот ровно бы подслушал савинские мысли, потому что слова его прозвучали оправданием:

– Вот и выгнали простуду, – и убрал фляжку со стола.

Тем временем охотница опростала свою миску. От предложенной Дрыхлиным добавки отказалась. Он спросил ее:

– Откуда у вас на двери подкова, Оля?

– Подкова – от отца. Он с геологами ходил. Геологов энцефалитный клещ убил. Тогда уколов не делали. Отец пришел с подкованным конем. Подкову дядя прибил.

– И как, приносит она вам удачу?

Она не успела ответить. За дверью заскулила собака. Ольга впустила ее в зимовье, та кинулась к столу.

– Ольхон! – строго осаждала хозяйка.

Пес послушно уселся у порога. Она достала из-под нар ведро. Выскочила раздетой наружу и быстро вернулась с полным снега. Отвязала от заплечной доски второй холщовый мешочек, вытащила красно-черный кусок мяса, бросила в ведро.

– Белку Ольхону сварю, – сказала.

Снова села за стол, взглянула на Савина. Он почувствовал ее взгляд, но глаз не поднял. Красная, запекшаяся на морозе тушка, которую она привычно бросила в закопченное ведро, странным образом повлияла на Савина. Он вдруг перестал видеть в ней женщину, осталась лишь охотница: а профессия почти всегда ставит свою печать. Какая уж тут женственность, если приходится убивать и сдирать шкуры?... И резкие скулы, и чуть заметные белые лучики у глаз. Подумал, что ей никак не меньше двадцати пяти, а то и больше... А впрочем, какое ему дело до этого?...

Дрыхлин спросил:

– Как же вы, милая девушка, попали в охотницы? Ведь тайга – не дом родной. Жить здесь одной, в такие юные годы!..

– Как раз дом родной, – сыпанула по плечам черными волосами.

Все-таки она могла меняться как-то враз. Смахнула улыбкой заботы, и опять показалась Савину пухлогубой раскосой девчонкой.

– Не одна я здесь. Амака со мной. За Тураном.

– За Тураном – понятно: за перевалом. А Амака – медведь?

– Ты все знаешь, гость. Ты самый хитрый. А он – самый сильный, – показала на Давлетова. – Амака – медведь. Наш род от медведя. Амака – по-нашему, пожилой человек, старик. Мой Амака – дядя Кеша. Мы охотимся вместе. Он сильный и добрый, как сытый медведь.

– И как ваш промысел, удачный?

– Соболь не любит железа. Теперь в тайге много железа.

– Это государственная необходимость, – серьезно произнес Давлетов.

Она невесело улыбнулась.

– Пустые ловушки? – спросил Дрыхлин.

Она махнула рукой: мол, и не спрашивайте.

Савин смотрел на нее и никак не мог отвязаться от мысли, что подобное с ним уже происходило. Хотя точно знал, что не было и быть не могло. Он силился понять эту возникшую из ночи женщину. Как она ходит сутками по тайге, ночует в таких вот избушках, не боясь одиночества и зверя.

Он вспомнил другое лицо и длинные ломкие пальцы, теребившие штору. Мужской магнитофонный голос объяснялся в любви неведомой женщине: «Твои глаза – напротив...» А напротив него были глаза святых, мудро смотревших с трех икон в углу...

– Где ты ходишь, бойе? – вдруг обратилась к нему Ольга. – Чьи следы распутываешь?

– Он у нас задумчивый, – сказал Дрыхлин.

– Молчанье – ограда мудрости, – произнесла она.

Встала, подошла к печке. У Ольхона торкнулись вверх уши. Он подождал, пока хозяйка сняла ведро, вильнул закрученным хвостом. Она вышла из зимовья, он – за ней.

– Хороша охотница, а? – обратился Дрыхлин к Савину.

Давлетов подумал вслух:

– Как же мы все здесь поместимся?

– Знаете, Женя, – продолжал Дрыхлин, – а ведь она положила на вас глаз. Я для нее – гость. А вы – бойе, друг, значит. Для меня она – Ольга, для вас – Оля. Чуете, Женя?... Между прочим, если я не обманываюсь, в торбе, что привязана к поняге, соболя.

– Какой поняге?

– Доска вместо рюкзака. Кстати, гораздо удобнее. На Тунгуске у всех охотников поняги... Вы же никогда соболя не видели, Женя?

– Нет.

– Попросите ее показать.

Она вошла в зимовье, присела на чурбачок у печки, подкинула дров. Сидела, чуть покачиваясь, глядя на огонь, ровно бы читала в беспокойном дрожании желтых языков то, что было спрятано от других. И Савин, замороженный огнем, будто подглядел, как метнулась ее душа в прошлое, которого она не знала, когда собирались на камлание у костра ее сородичи и неистовый шаман заклинал добрых духов послать удачу охотникам. Савин пытался отвести глаза и не мог. Глядел на нее, как на жительницу иного мира, как на таежный мираж, сознавая в то же время, что все – явь, что он может, если захочет, дотронуться до нее.

Да что же это такое? Как же могла так распорядиться жизнь, определив женщине мужскую судьбу? Ей бы по асфальту – в модных сапожках и в своей мохнатой шапке. Поставить бы обеих рядом – глядите, кто лучше! Но несбыточно, невозможно, как нельзя столкнуть стылый голубой день и мягкую буранную ночь.

Она встала, подошла к столу, спросила:

– Можно убирать?

– Нет-нет! – торопливо ответил Давлетов. – Отдыхайте, мы – сами.

Но она с женским проворством взялась за посуду. Давлетов взглянул на часы: было начало десятого. Почти два часа прошло, как появилась в избушке охотница.

– Что ты ищешь, гость, в этих местах? – неожиданно спросила она Дрыхлина и прострелила его своими раскосыми глазами. – Соболя?

– Я ищу землю для БАМа, – ответил он. – А вот Женя соболя никогда не видел. Не покажете?

Он будто зрил сквозь холстину, потому что из той самой торбы, где была тушка белки, она вытащила темно-коричневую, чуть больше рукавицы, шкурку. Бросила ему на колени. Он взял ее, дунул на мех. Протянул Савину:

– Полюбуйтесь. Хоть и не экстра, но хороша.

Савину вдруг стало неуютно и тоскливо. Что-то укололо его, и этот укол вызвал в нем необъяснимое чувство тревоги. Ощутил, как из-за стола уходит благожелательность. Глядел на охотницу, на Дрыхлина, пытаюсь понять то, что ускользнуло от него. Дрыхлин поднялся за чайником, сыпанул из пачки в кипяток, не меряя, заварки. Охотница провожала взглядом каждое его движение. Шкурка лежала около Савина, темная, невзрачная, с размытым пятном у шеи. Для приличия он потрогал ее. И спросил – тоже для приличия:

– Чего она такая маленькая?

– Не выделанная еще, Женя, – откликнулся от печки Дрыхлин. – Красивая?

– Не знаю.

– О, бойе! – Охотница обласкала его взглядом, и он словно бы почувствовал теплое прикосновение к лицу. Голос Дрыхлина смахнул ту колдовскую волну.

– Не продадите?

– Какую цену дашь, гость?

– Вам удобнее самой назвать цену.

– Зачем она вам, товарищ Дрыхлин? – спросил Давлетов.

– Не мне, Халиул Давлетович, жене. Приспичило ей соболью шапку.

Савин отодвинул от себя шкурку, поднялся, встал рядом с охотницей, прикоснулся плечом к ее плечу. Хотел поймать ее взгляд, чтобы еще раз почувствовать лицом невидимое прикосновение. Но она смотрела на Дрыхлина.

– Что же вы молчите, Ольга? – не выдержал тот.

– Боюсь прогадать.

– Может быть, у вас еще есть?

– Здесь нет.

– Не надо стесняться, девушка. Скажите, сколько я должен?

Давлетов, недоумевая и с неприязнью, глядел на них. Она засмеялась тихим смешком, и Савину подумалось, что улыбка ей очень к лицу. Засмеялась, превратилась в девчонку и произнесла:

– Все оборотни в шкурках и перьях прячутся в пещерах и туманах.

Дрыхлин непонимающе уставился на нее.

– Это ничего не стоит, гость! Это тебе подарок, – она улыбнулась, но как-то смутно, странно, будто сожалела о подарке.

– Нет-нет! – запротестовал Дрыхлин. – Так я не возьму.

– Бери, бери, гость.

– Не могу.

– Как ты можешь отказываться, если знаешь наши обычаи?

Дрыхлин развел руками, простецкая улыбка раздвинула его щеки.

– Сдаюсь и принимаю подарок. Но желаю отдарить, – отстегнул с руки часы. – Примите от меня! Электроника!

Несколько секунд она разглядывала циферблат.

– Бери их, гость, чтобы не обидеть тебя, – сунула небрежно часы в карман брюк. – Я подарю их дяде.

Она искоса бросила взгляд на Савина и сразу же повернулась к Давлетову, словно задала ему немой вопрос. Помешкала, спросила:

– Хочешь такую же?

Давлетов неодобрительно покачал головой:

– Нет. Мне не нужно ваших соболей.

Глаза ее утратили густоту, потеплели.

– Откуда ты родом, отец?

– Я – татарин. С Урала.

– Далеко, – вздохнула она. – Я знаю Чегдомын и Хабаровск. В Чегдомыне в интернате жила, училась в школе. И в Хабаровске тоже училась.

Давлетов заморгал, глядя на охотницу, пробормотал что-то похожее на «бола, бола». Савин неожиданно уловил их поразительную схожесть, словно охотница была дочерью его начальника: скулы, лоб, разрез глаз.

– Ты вспомнил свою дочь, да? – спросила она Давлетова.

Тот утвердительно закивал головой, закашлялся по-стариковски.

– У тебя, наверно, красивая дочь?

Давлетов опять согласился кивком. Помолчал. Ответил:

– Только невезучая.

– Не нашла мужа?

– Нашла. Непутевый человек.

– Непутевый – тропу потерял?

– Потерял.

– Совсем худой муж... Он – хороший муж, – кивнула на Савина, и улыбка у нее стала виноватой.

Савина тронула эта виноватость, он и сам заулыбался, с непонятной для себя признательностью к ее словам. И произнес, что и не гадал:

– А ты красивая.

Нет, наверное, в мире женщины, которая бы равнодушно восприняла такие слова. Так и Ольга, изумленно махнула ресницами, непрощенный румянец пробился сквозь морозный загар. Вспыхнула, засветилась вся. Потом, словно на что-то решившись, надела шапку, спрятав волосы и девчонку в себе. Застегнула безрукавку, потянулась за паркой.

– Ухожу от вас.

– Как это «ухожу»? – всполошился Давлетов. – Куда, на ночь глядя, «ухожу»? У вас здесь дом, лежанка. А мы подремлем сидя.

– Нет. У меня другое зимовье. На Эльге.

– Давно там появились избушки? – спросил Дрыхлин.

Она не ответила, продолжала собираться. Савин глядел на нее, не веря в то, что она уходит в такую дикую ночь. Подошел к ней, хотел отговорить, убедить. Она провела рукой по его щеке:

– Пойдем со мной, бое.

Савин даже не удивился, словно ждал этого. И не ощутил необычности приглашения. Виновата, наверно, тут была вся обстановка необычности, тайга, ее появление, неожиданное и тоже из необычности. Потому он бездумно и молча стал собираться. Но услышал голос Давлетова:

– Это невозможно, товарищ охотница. У нас – задание.

– Бросьте вы! – вмешался Дрыхлин. – Дело молодое.

– Но я не могу разрешить Савину отлучку, товарищ Дрыхлин. Завтра будем замерять карьер...

– Я замерю! – Голос Дрыхлина начальнически затвердел.

Савин топтался, понимая, что разговор о нем и не в силах в него вмешаться.

– Где же я его потом найду? – растерянно спросил Давлетов.

– Отец, я приведу его к тебе, – голос охотницы прозвучал, как просьба о прощении. – К тому месту, где будут садиться ваши вертолеты.

Давлетов тяжело опустился на лежанку, борясь сам с собой, с пониманием, что нарушает установившийся порядок.

– Ну, вот и договорились! – воскликнул Дрыхлин.

Савин натянул свою черную шубу-короб, шагнул за охотницей через порог, не обнадежив Давлетова обещанием вернуться к сроку. Крутая темнота ослепила его, тишина оглушила.

– Вот тебе лыжи – услышал ее голос.

Сделал шаг, протянул наугад руку и сразу поймал ее горячую ладонь. Потянул к себе.

– Нет. Я помогу тебе надеть лыжи.

Растворилась дверь, нарисовав на снегу серое пятно.

– Женя, можно вас на минуту? – сказал Дрыхлин. Придвинулся, зашептал в ухо: – Будьте умницей, Женя. Не прогадайте. Поняли меня?

Савин ничего не понял. Он был просто не в состоянии четко и ясно соображать. Забыв про давешнюю усталость, готов был идти неизвестно куда.

Дверь проглотила Дрыхлина. Темнота разгрузилась и посерела. Ольга увиделась ему неясной молчаливой тенью. Савин воткнул валенки в просторные ременные крепления, подтянул сыромятные шнурки. Лыжи были широкие и короткие, как у Дрыхлина.

– Иди по моему следу, бойе, – услышал, будто издали.

И он пошел на голос, скорее угадывая, чем видя ее след.

2

Сначала она оглядывалась, и каждый раз останавливался Ольхон, семенивший с ней рядом. Савин ускорял шаг, чувствуя себя толстым и неуклюжим на коротких лыжах и в длинной шуршащей шубе. Над тайгой объявился народившийся месяц. Звезды точечно и колко падали в снег. Точно так же, как они падали однажды в Подмоскowie, в дачном поселке, куда Савин попал по милости королевы.

Женщин вообще трудно понять, а ту – было невозможно. Она не замечала его до последнего институтского курса. Так и должно: до подданных ли королевам?... И вдруг колючие звезды в снегу, комната на даче и лики святых в переднем углу.

– Ты веришь в Бога? – спросил он.

– Нет. В любовь.

Седьмое небо, наверное, населяют только безумные. Там самое обычное воспринимается как чудо.

– Ты меня лю? – спрашивала она.

Это было тоже чудо, после которого, попав на грешную землю, человек долго не может прийти в себя. И Савин приходил в себя с трудом, не желая замечать рослого байдарочника по фамилии Скребок, который работал в том же конструкторском бюро, что и она, после окончания института, Савину тоже светило там место, через нее, вернее, через ее папу, возглавлявшего головной НИИ. Но он решил по-своему, как задумал еще в детдоме. Надел по двухгодичному призыву лейтенантские погоны и получил в учебном подразделении взвод.

Первое время Савин даже стеснялся командовать подчиненными, которых, к его большому изумлению и расстройству, оказалось немало. Он и не командовал. Просто объяснял, что делать, рассказывал, показывал, огорчался вместе с каким-нибудь неумехой и растяпой, вдавливал ему в голову теорию, проводил практический показ. А если вдруг во взводе случалось нарушение дисциплины, подолгу сидел вместе с нарушителем в канцелярии роты и не то чтобы выговаривал ему, а больше вздыхал, мучился от своих официальных вопросов, уходил от них, выпрашивал подробности из доармейской жизни. И тот отвечал и в охотку, и с неохотой, а выйдя из канцелярии, объяснял товарищам, что их лейтенант выматывает душу до синевы, да еще и сам выматывается от переживаний.

Как бы там ни было, но его учебный взвод неожиданно для него самого стал лучшим при выпуске специалистов в железнодорожные войска. И следующий набор в конце обучения тоже стал лучшим.

Савина хвалили на собраниях и совещаниях, самодеятельный художник нарисовал его портрет, на котором он был похож на умудренного опытом служаку. Портрет определили на клубную Доску почета, и, между прочим, несмотря на все личные переживания, Савину это было приятно.

Изредка, на выходные, он наезжал в Москву. Просто так, от нечего делать, чтобы окунуться в привычную городскую сутолоку. Так он объяснял себе. И сам же втайне понимал, что приезжает с надеждой встретить ее. Иначе зачем бы ему тащиться на ту улицу, по которой она должна была идти с работы к метро. И однажды встретил.

Она обрадованно засмеялась, схватила его за руку:

– Едем. Покажу тебя своим...

Отец ее сразу понравился Савину. Грузный, простецкий и грубовато-веселый, он спросил дочь:

– Жениха, что ли, привела на смотрины?

– А что, не нравится, па?

– Нравится. Люблю серьезных.

За чаем Савин сказал, что ему предлагают остаться в кадрах армии и что он согласен.

Она ответила на это:

– Фи!

– Армия – для настоящих мужчин, – сказал отец. И дочери, опять же полушутя: – Если собираешься за Евгения замуж, готовься быть боевой подружкой...

В этот дом Савин наведлся еще раз в следующее воскресенье. Но уже без приглашения. Потому и не застал никого. Решил, что хозяева на даче, поехал.

Дачная дверь тоже оказалась закрытой. Вовсю буйствовала весна. Соловьи словно взбесились, объединив в один все свадебные хороводы. Он присел на лавочку, как раз перед окном. «Чего приперся? – думал. – Все равно она не поедет со мной, БАМ – не для серебряных туфелек». Размышлял так в безнадежности и вдруг явственно услышал:

– Ты меня лю?

Даже вздрогнул от близкого голоса, проникшего к нему через открытую форточку. Вскочил, повернулся к зашторенному окну – и не понял, почему оно брызнуло осколками. Продолжая колотить по раме, не чуя боли и не соображая, въяве ли он кричит или мысленно: «Скребки, скребки!..»

И не надо бы все это вспоминать теперь, когда все позади, а вспоминалось. Наверное, потому, что другие звезды падали в снег, что не бывает резких границ от одного к другому. Такое вот сложное существо – человек: ищет какую-то черту, а ее и нет вовсе.

Наверное, прошло с полчаса, пока Савин стал способен удивляться. И не только удивился, а поразился тому, что идет следом за незнакомой женщиной. Заметил, что она несколько раз тревожно оглянулась. Наконец остановилась и подождала его.

– Ты не устал, бойе?

– Нет.

Он и впрямь почему-то не чувствовал усталости, не то что утром. Хотя и запарился, и расстегнул шубу. Ольга озабоченно вглядывалась в Савина. Сняла рукавицу, распахнула парку, пошарила в нагруднике.

– На, пожуй, – протянула ему несколько жестких сухих ягод.

– Что это?

– Лимонник. Он дает силу. Скоро придем. Совсем рядом.

Савин бросил ягоды в рот, разжевал, почувствовал горечь. И опять он зашагал за ней, думая о том, что широкие, короткие лыжи, которые поначалу показались неуклюжими и неуправляемыми, все-таки очень удобны, особенно когда лыжня шла на подъем. Не надо было

взбираться ни лесенкой, ни елочкой: назад они не скользили, подбитые камусом. Непривычно только было без палок, но он быстро усвоил ровный, тягучий шаг.

Они шли нешироким распадком, и лес по обе стороны казался сплошным и темным. Ольхон то и дело убегал вперед, беззвучно растворяясь в темени, снова легкой тенью возникал обочь. Присев, поджидал Савина, вытягивая в его сторону острую морду, словно пытался убедить в надежности спутника своей хозяйки. Убедившись, неслышно обгонял Ольгу, исчезал впереди. Лес опять сдвигался, безмолвный и нереальный.

В какой-то момент Савин осознал это безмолвие, нарастающую бесконечность мира. Будто бы это не он шел по ночной тайге, а кто-то другой, для кого такое путешествие было не в диковинку. И еще он внутренне, словно так и должно быть, опять воспринял родство с этой незнакомой женщиной. Ему казалось, что знает он ее давным-давно, только заплутался до этого, затерялся в бескрайнем далеке, и вот явился после долгого отсутствия. Идет себе знакомой дорогой к знакомому жилью вслед за близким человеком, вышедшим его встретить на житейский перекресток...

Все-таки в ягодах, наверное, была какая-то живительная сила, потому что очень скоро в тело вошла бодрость. Шел в легком полусне. Раза два ему казалось, что они выходят к берегу, на котором ждал увидеть зимовье. Однако мнимый берег растворялся вблизи, истаявал за новым поворотом или оказывался низкорослым подлеском.

Савин шел и думал о том, что, наверное, все люди немного актерствуют в жизни. Даже сами с собой. Что бы человек ни делал, все равно он видит себя со стороны. И он, Савин, такой же. А может быть, и неплохо малость актерствовать, самую что ни на есть малость? Вдруг это и есть тот самый стопор, который удерживает человека от крайнего шага? Перед зрителем не побуйствуешь, а ты и есть самый первый зритель.

Вот и сейчас, даже перед лицом вечного и безмолвного, даже в лихорадке ожидания – а что будет? – он видел себя со стороны. И чувствовал Ольгу, эту маленькую охотницу с раскосыми глазами. Каким-то образом ощущал и ее робкую напряженность, и отброшенные сомнения.

Молодого урядничка, молодого урядничка
Ночевать оставляла...

Савин даже приостановился, поймав себя на том, что эти старинные слова и мелодия песни давно крутятся в голове. Ее пела тетя Нюра, детдомовская няня. У нее не было никого из родни, она и жила при детдоме в комнатухе под лестницей. Бросила и дом, и огород, когда получила подряд три похоронки – на мужа и на сыновей. Так и жила в беспокойном ребячем царстве, всех оделяя, хулиганистых и тихих, добром и лаской.

Молодого урядничка, молодого урядничка...

Усилием воли Савин отогнал мелодию. Запоздало вспомнил Давлетова: что-то он думает теперь о своем подчиненном? Наверное, все смешалось в голове начальника, и уснуть не может, кричит, ворочается. А может, достал свою амбарную книгу и записывает при свете коптилки о том, что старший лейтенант Савин отлучился в неизвестном направлении.

Он совсем не заметил, как лыжня вывела их на лед. Увидел только, что тайга раздвинулась, обратил внимание на огромный валун со снежной шапкой на голове. И тут же услышал: – Пришли, бойе...

Это зимовье отличалось от того, что стояло на Юмурчене. Когда Ольга вздула лампу, он увидел, чего уж никак не ожидал, небольшую полку с книгами. Стол был поменьше и поаккуратнее, из пиленых досок. Возле него даже притулилась ярко-желтая табуретка. В избушке было явно теплее, чем на улице.

– Дядя, однако, ночевал. Печку топил.

Не раздеваясь, она сунула спичку в печурку. Пламя сразу же охватило тонкие лучинки и пошло гудом.

Он сидел на нарах, чувствуя себя неловко и в то же время спокойно. Она сняла сковородку с гвоздя, поставила на печку. Расстелила на столешнице полотенце, сыпанула на него из жестяной банки какие-то коренья, потолкла их черенком ножа, бросила на сковородку. Летала по зимовью черной бабочкой, и тень ее металась по стенам.

Она уже давно сбросила парку и рыжую шапку, а он все сидел в своей деревянной шубе. Ольга подошла к нему, стала расстегивать непослушные пуговицы.

– Раздевайтесь, будьте как дома.

Он понял, что эта фраза была не ее, но из ее, может быть, недавнего прошлого. Настолько она прозвучала вежливо и по-чужому.

– Ты почему назвала меня на «вы»?

Ольга провела рукой по его волосам, он качнулся к ней, уткнулся головой в грудь и замер, услышав, как колотится ее сердце. Она мягко отстранилась. Сняла с него шубу. И вновь заметалась по зимовью ее тень.

Потом они сидели за столом, словно в деревенской избе после работы. Первоначальная неловкость исчезла. Их разделяла черная чугунная сковорода. Савин с удовольствием таскал ложкой со сковороды куски удивительно нежного мяса и спрашивал:

– Как это называется?

– Ешь, Женя, не спрашивай.

– Ну а все-таки? С чесноком, да?

– Сохатиный язык с черемшой.

Подперев щеку ладонью, улыбочиво глядела, как он ест. Так же улыбочиво спросила:

– Я умею быть хорошей женой? – поправилась: – Умею вкусно готовить?

И тут же согнала с лица улыбку, нахмурив густые брови. Он заметил, что выражение ее лица менялось в один миг: вот и хмурь согнала, распахнула глаза.

– Я бы угостила тебя расколоткой.

– А это что такое? Тоже мясо с черемшой?

– Нет, рыба. Мороженный таймень, ленок. Достал из лунки, на лед бросил. А потом расколоть его, как лучину. Получается расколотка.

– Так сырую и есть?

– Ага, с солью. Это полезно. И вкусно...

Сплелось необычное с обыденным. Женщина с раскосыми глазами, сохатиный язык, неизмеримость времени и пространства, и тут же печка, как в детстве, семилинейная керосиновая лампа, и разговор о будничных вещах. Семейный такой разговор. И чай, от которого шел запах снега, дыма, брусники и проснувшегося весеннего леса. И Ольгу он знал давным-давно, только совсем в другом облике. Видел ее, одиноко стоящую на берегу большой реки, схваченной первым льдом. Шел густой мохнатый снег, обновлявший землю, менявший лицо берега, кустарника, дальней сопки. И не было нигде следов. Начинался новый цикл жизни, рождался первый день после сотворения мира. Человек еще не придумал колесо и не проложил санный путь к большим городам.

– Я не умею плакать. А когда училась в городе, плакала. Такой хороший снег и стены кругом. Дома улицу сжимают, как два крутых берега сдавливают речку. И красный гремучий трамвай посередине. Побежала на Амур. Забереги уже большие, а вода не дается. Я сказала: «Здравствуй, Эльга». Потому что моя Эльга тоже прибежала в Амур. Тебе скучно, Женя?

– Нет, нет.

– А почему у тебя женское имя? У меня в интернате была русская подруга. Ее тоже звали Женя.

– Это и мужское имя.

– Знаю. Евгений Онегин. Но все равно оно больше для женщины. Мужчина, который его носит, нежный, как женщина, и немного слабый. Нет, нет, Женя. Ты не слабый, ты – нежный... Слышишь, Ольхон тоже со мной согласен.

Снаружи донесся короткий лай и смолк.

– Глупый еще, – сказала она. – Первоосенок. Хорошая собака будет.

– А на кого он лаял?

– Сохатый близко подошел. Тальник тут недалеко. Сохатый кормиться ходит... У меня давным-давно был сохатенок – отец подарил. Плакса такой был. Вытянет морду, смотрит большими глазами, просит сахару. Я отвернусь, как не вижу. А он губами шевелит и чуть не плачет.

– А где он сейчас?

– Ушел. Кровь позвала. Так одну осень трубил, жалко было. Жену звал себе.

– Ушел и не вернулся?

– Нет. Боюсь, подстрелил кто. К человеку привык, ружья не боялся.

– Оль, а почему ты пошла в охотники? Ты же сказала, что педучилище закончила.

– Учить некого. Почти все ушли с Усть-Нимана. Три дома осталось. В Ургал переселились. Молодые всегда уходят. Четыре брата у меня было. Двоих старших, как отец говорил, духи взяли. Я не помню, маленькая совсем была. Мы жили тогда далеко отсюда, в междуречье. А двое братьев ушли. Сначала в армию, потом в город. Русские жены у них. Третий год домой не едут. Кончатся охотники. Кто отца и дядю заменит?... Тебе снова непонятно, почему я осталась здесь?

– Понятно. Только я бы не хотел, чтобы ты жила здесь одна.

– Мне хорошо здесь.

– А когда рельсы сюда придут, как охотиться будешь?

– Уйду вверх по Эльге. А может быть, не уйду. Я не знаю, Женя. Когда в Хабаровске жила, только о тайге и думала. А сейчас город вспоминаю. Новый год вспоминаю и своих девчонок в туфельках. И даже мальчишек вспоминаю, хотя мне не нравятся городские ребята. Они очень много говорят. А ты – мало говоришь. Мужчины не должны много говорить... Сегодня я совсем не хочу в город, потому что здесь ты. А завтра в груди дятел поселится...

– Тянет к людям?

– Да. Ты откуда пришел, с Воспорухана?

– Нет.

– Значит, с Соболиной сопки?

– Ты была там?

– Много раз была. Там я черного соболя брала.

Она вздохнула, посмотрела на Савина, будто задала немой вопрос и ждала ответа.

– Ты жалеешь, что БАМ в тайгу пришел? – спросил он.

– Почему «жалею»? Просто понимаю, что надо. Дядя не понимает. Плюется! – Она засмеялась: – Говорит, что законы тайги БАМ нарушил. Говорит: плохой человек завелся на БАМе.

– А как узнать, плохой или хороший?

– Я угадываю. И тебя сразу угадала. Ты – как вода в ручье. А потом придет человек, станет строить мост, рубить деревья, мыть в воде машины, выливать в ручей негодную солярку. И вода станет мутной. Хариус и ленок покинут ее, они любят чистую воду.

– Значит, и я стану мутным?

– Не знаю. Какой человек рядом с тобой будет. Ваш Дрыхлин не станет беречь чистую воду... Женя, а почему он сказал, что ищет землю? Разве ее надо искать?

– Земля нужна для насыпи БАМа, для отсыпки любой строительной площадки. Вот мы и ищем карьеры. Но самый хороший грунт – это речной гравий.

– Понимаю, Женя. Но все равно мне жалко реку, которая после начинает болеть. И тайгу жалко. Проехал трактор, зацепил ветку кедрового стланика и на сто лет погубил ее. Подумай, целых сто лет надо, чтобы вырос в нашей земле такой кустик.

Савин подумал: «Права Ольга. И в чистых ручьях появились бензиново-масляные разводы, и речки, она правильно сказала, болеют: берега у карьеров разрушаются, роняя в воду слабые в корнях лиственницы. Об этом никто не успевает задуматься в погоне за временем, за километрами. И даже летучая фраза: „Бороться с тайгой“ – имеет какой-то мужественный оттенок. А зачем бороться? Лучше бы ее, в самом деле, поберечь. Она хоть и велика, но тоже имеет пределы».

Когда-то, давным-давно, Савин даже не помнит въяве, возле их деревни Дарьино, на Урале, стояла дубовая роща. Место и сейчас называют Дубки, хотя там не осталось ни одного дерева. Тоже, наверное, думали, что роще нет края. А свели ее – и высохла речка Кармалка, иссяк сам собой колхозный пруд, и могучие ветлы на его берегу покорежились и усохли.

Вот и Давлетов – хотел осенью по-хозяйски распорядиться Соболиной сопкой: пустить лиственницу на дрова, благо, под боком. Как он говорил, в случае пожара этот остров леса посреди поселка может запалить дома и вагоны. Савин ни внутренне, ни внешне – никак не отреагировал тогда на это предложение: вроде бы целесообразно. Но, слава богу, нашлись умные головы, умевшие видеть не только день и вечер. Особенно Синицын негодовал. В общем, отговорили Давлетова вырубать сопку. И он, хоть и поупрямился, согласился, сказав, что мнение большинства является для него законом. А ведь сгубили бы всю сиреневую багульниковую красоту, пожгли стройные морозоустойчивые лиственницы и на целый век налепили бы на сопку проплешины.

– Вернись, Женя, – попросила Ольга.

– Слышь, Оль, – вернулся он, – а наш вагон как раз стоит под Соболиной сопкой, где ты охотилась на черных соболей.

– Я никогда не была в вагоне. Только видела. Он совсем не такой, как на рельсах. Хорошо жить в вагоне?

– По-моему, нормально. А ты приезжай в наш поселок. И приходи ко мне. Спроси старшего лейтенанта Савина, и тебе покажут наш вагон. Приедешь?

– Ты такой взрослый и такой маленький.

– А что, Оль? Я тебя познакомлю со своими друзьями...

– Ой, Женя. Они смеяться над тобой будут, если я приду к тебе...

Сказала, и лицо ее стало обиженным, как у маленькой девочки. Он поднялся, приблизился к ней, взял в ладони ее лицо. Глаза у нее сделались беззащитными и ждущими. Он тихонько поцеловал их и погладил ее волосы. Хотел сказать что-нибудь доброе, но слова разлетелись, упорхнули в закрытое окошко. Там, снаружи, начинался ветер. А может быть, ему просто показалось, что зашумели, закачались деревья. Она произнесла шепотом:

– Пьяный лес...

...Печка прогорела, и пламя больше не бросало отсветы на бревенчатую стену. Ольга лежала рядом и даже, казалось, не дышала.

Как же так случилось? И почему? Кто же ты есть, Женька Савин, – пришел, взял, унес с собой? Пьяный лес и узкая ладошка, протянувшая ему воду: пей, бое! Все ушло, утонуло в ночи; только звенели дальние колокольца на дугах, гордые лошадиные морды заслоняли небо – так звучала для Савина тишина.

– Ляленька! – Он сам не знал, откуда к нему пришло это слово. Наверное, из детства, из забки, подвешенной к потолку.

Она сразу встрепенулась, повернулась к нему:

– Плохо, Женя?

– Хорошо.

Колокольца перестали звенеть, тишина смягчилась.

– Тебе сколько лет, Оля?

– Двадцать четыре... Я давно думала о тебе, Женя. И ждала. Тебя ждала, хоть и не знала еще.

– Мы поженимся, Оля. И будем жить вдвоем в вагоне.

– Не надо быть очень добрым, Женя. Когда доброты много, от нее бывает зло.

– Я не всегда понимаю тебя.

– Потому что я старше.

– Мне двадцать шесть.

– Женщине нельзя быть моложе.

– Ты мне веришь, Оля?

– А у той глаза синие?

Савин даже не удивился ее вопросу. Ему казалось, что Ольга знает и должна знать все. И даже подслушивает его мысли.

– Я думал о ней только что.

– Знаю. Ты лежал на спине и вспоминал?

– Да.

– Сегодня она ушла от тебя, и ты будешь легко дышать. Счастье, как и беда, и в тайге человека находит.

– Это пословица?

– Не знаю.

– Оль, а ты ведь совсем другая. Не такая, какой была в том зимовье, когда пришла со своей понягой и Ольхоном.

– Да. Там, с вами, я хотела быть такой, какой была моя мама.

– Зачем?

– Просто так. Из-за тебя. Чтобы ты сначала удивился.

Она выскользнула из-под одеяла, набросила на себя его шубу, сунула ноги в его валенки, занялась печкой.

И Савин опять подумал, что все же неженский это труд – быть охотником. Весь день человек бродит по тайге, к ночи возвращается в зимовье, готовит ужин, кормит собак, обрабатывает пушнину, колет дрова на завтра. Затем спит урывками, потому что печка не должна выстунуть к утру. И так – каждый день, без выходных и отгулов, пока не кончится сезон.

Печное пламя длинным языком лизнуло стену избушки, укоротилось, составив ровные блики и высветлив все зимовье теплыми сумерками. Но Ольга что-то медлила, замешкавшись у печки, пока он не позвал:

– Иди сюда.

– Иду, – отозвалась она шепотом...

Время текло за пределами четырех стен. Где-то и куда-то торопились люди, где-то прорезали ночь тепловозные гудки, напоминая о необратимости времени. А здесь оно остановилось, казалось, его даже можно потрогать руками. Наверное, женщины умеют останавливать часы и вызывать дух вечности, где течет в розовых берегах живая вода, дарующая человеку бессмертие...

Савин услышал за окошком неясные шорохи леса, как будто кто-то слегка покачивал деревья. Вспомнил ее «пьяный лес». Улыбнулся в темноте. Она прикрыла ладошкой его губы, сказала серьезно:

– Не ходи по тайге один. У тебя хороший начальник, ходи с ним. Он добрый.

– Не такой уж Давлетов и добрый.

– Ты его не понимаешь. Он тебя любит.

– Почему любит?

- Потому что у него нет сына... Ты его давно знаешь?
- С лета.
- Только здесь узнал?
- Да...
- А теперь спи, Женя. Тебе надо немного спать...

Савин прикрыл глаза и, не успев задремать, погрузился в сон. Плыли по пруду белые лебеди, вытягивали длинные шеи. Белые лилии сплетали венчальные венки, которые кругами расплывались на воде. Было такое или не было?... Впрочем, какая разница? В жизни ничего не повторяется, но бывает, что все начинается сызнова.

3

Для Савина «сызнова» началось с того проваленного комсомольского собрания. В ту ночь, после беседы с капитаном Пантелеевым, он долго крутился с боку на бок. Сверяба, как это бывало нередко, ночевал где-то на трассе, потому и на собрании отсутствовал, хотя и намеревался поглядеть, «что выйдет из ничего». Савин даже рад был полному одиночеству, перебирал в памяти разговор с Пантелеевым, умно и аргументированно спорил с ним. У него всегда так было: умно только в мыслях и когда поезд давно ушел. Спорил, томился, глядел в темный потолок с разводами в углах от дождей, упрекал всех и себя больше всех. Всех – за безразличие. Себя – за уступчивость «мыслителю» Пантелееву. Упрекал и понимал, что, повторись все снова, ничего не изменилось бы. И от этого томился душой еще больше.

Но недаром говорят, что утро вечера мудренее. Да еще утро воскресное. С паршивым настроением он поставил на плитку чайник. Только успел вспороть банку сгущенки, как дверь робко приоткрылась.

- Можно, товарищ старший лейтенант?

Савин с удивлением увидел сержанта Бабушкина.

- Что-нибудь случилось? – спросил.

– Н-нет, – краснея, произнес тот, и Савин понял, что сержант пожаловал просто так, тоже переживающий за провал собрания.

- Чай готов, Юра... Ты куда? Заходи!

- Я н-не один.

Савин глянул в оконце и увидел чуть ли не в полном сборе весь свой комсомольский комитет. Выскочил следом за Бабушкиным наружу, поздоровался с каждым и, невзирая на отнекивание, затащил всех в вагон. Табуреток было всего две, уселись на лежанках. Кружек не хватило, достал парадные стаканы. Вывалил в большую алюминиевую миску все запасы пайкового печенья и поручил Бабушкину разливать чай.

Нет, неспроста они все явились, пожертвовав таким редким свободным временем. Савин чувствовал это. И, словно в подтверждение его мыслей, рядовой Сергей Плетт, худой как жердь, малоулыбчивый и малоразговорчивый, сказал:

- Мы насчет вчерашнего...

Савин оглядывал ребят и думал, что, в принципе, он их совсем почти не знает. Кроме каких-то мимолетных разговоров да двух плановых заседаний, ничего и не связывало его с ними. Кто такой Сергей Плетт? Взрывник. Из семьи прибайкальских охотников. На обоих заседаниях комитета не произнес ни слова... А что он представляет собой как человек? Какие у него взгляды на жизнь, привычки, желания?... Или вон у Васькы, что сидит напротив, неловко ухватив стакан такими же огромными, как у Сверябы, лапищами?... Васек и Васек, так все зовут, хотя в нем почти два метра росту и фамилия под стать – Богатырев. До армии излазил с геологами всю тайгу, мог работать и трактористом, и трелевщиком, и шофером. А определили его здесь в геодезисты, потому как он мало-мало разбирался и в этом деле, специалистов же

не хватало. Как и Плетту, ему оставалось служить чуть больше полугода, после чего Богатырев собирался осесть на БАМе... Рядом с ним – рядовой Рамиль Насибуллин, серьезненький такой и всегда вежливый. И еще у него отчество странное – Идеалович. Савин постеснялся после первого знакомства спросить у него про отчество, поинтересовался у командира роты капитана Синецына.

– Дед с бабкой у него из первых комсомольцев. Вот и назвали сына Идеалом. – объяснил тот. – А Рамиль по наследству стал Идеаловичем... Между прочим, наотрез отказался от импортного «Магируса», хотя самосвал, конечно, с комфортом. КраЗ, говорит, привычнее, да и надежнее...

Плетт требовательно взглянул на Васюка:

– Рассказывай.

– Значит, так, – сказал Васек. – Я на Амгунь до армии мотался. Ходил по старой трассе БАМа. Ну, той, что еще ээки до войны строили. В одном месте сохранились опоры от моста. Надпись видел, прямо в бетоне: «Этот мост строил комбриг РККА Петров». Он, наверно, украдкой выдал свою фамилию в сыром бетоне. И получилось навек, так?

– Затакал, – буркнул Плетт.

Васек согласно кивнул и повторил, подняв указательный палец:

– Навек! Ну и я тоже хочу, чтобы моя фамилия навек осталась. Только не украдкой, а под музыку и с речью. Так?

– Мы т-тебя, Васек, самого вместо памятника на Соболиную сопку поднимем, – сказал Бабушкин.

Рамиль, который Идеалович, глядел на Савина вопросительно и даже с заметным нетерпением: как, мол, идея? Идея Савину понравилась. Ему бы в жизнь такое не сообразить. Ведь это и есть то самое «моральное стимулирование соревнования», о котором так часто говорят на собраниях. Та самая гласность, только с учетом исторического размаха стройки.

– Понимаете, – сказал Идеалович, – лучших определяем общим голосованием. Мы-то ведь лучше всех знаем, кто чего стоит. А потом под музыку – навечно. Чтобы, когда по БАМу пойдут поезда, незнакомые люди глядели на наши фамилии, как на Доску почета.

– Это для мостовиков – почет. – вмешался Бабушкин. – А для механизаторов?

– Чего проще, – ответил ему Васек. – Кубы из бетона, так? А на них фамилии. И через каждые сто пятьдесят – двести километров вдоль трассы. Как в Ургале на переезде: до Москвы – столько-то километров, до Комсомольска – столько-то.

«Наверное, они давно вынашивали эти мысли, – думал Савин, только повода высказаться не было. Честолюбие – оно у каждого есть. В большей или меньшей степени. Люди иногда приговаривают, что похвала их не трогает. Трогает! Потому что честь по заслугам – норма справедливости. А тут – честь на долгие годы».

– Это вы здорово придумали, – сказал Савин. – И определять победителя голосованием – тоже правильно.

– Т-только бы разрешили, – усомнился Бабушкин.

– Разрешат, – заверил Савин, а сам подумал: «Вдруг не разрешат?»

– А то наш ротный своего маяка обязательно определит в п-победители.

– Какого маяка?

– Н-не знаете разве? Мурата Кафарова. Ему – и тросы, и з-зубья ковшей. А другим – шиш. А Мурат, как Плюшкин. Никогда ни с кем не поделится.

– Будет решать только коллектив, – подтвердил Савин.

Все-таки хорошо было говорить о деле без протокола. По-человечески так получалось, не по-казенному. Предлагали, обсуждали, отвергали. Идеалович предложил рисовать звезды на кабинах самосвалов. Перевез пять тысяч кубов грунта – звезда. Двадцать тысяч – флажок.

Плетт сказал:

– Комсомольский глаз, однако, нужен...

Савин не стал возражать, хотя уже был «Комсомольский прожектор». Но «прожектор» – вроде как указание сверху, значит, чье-то. А «глаз» – свое. За свое и отвечать самим, и отдачу подсчитывать самим. Это был отзвук его, Савина, мыслей, высказанных им Сверябе в коротковском карьере: мы решили – мы отвечаем.

– А чтобы дело в долгий ящик не откладывать, у меня есть предложение, – сказал Савин. – Кто-нибудь из вас ездил по дороге в районный центр?

– Ездили, – ответил за всех Плетт. – Дорога – одни выбоины. Особенно у Кичеранги.

– Вот я и предлагаю написать на больших фанерных щитах, кто и какой участок дороги отсыпал. Чтобы народ ехал и плевал на эти фамилии, если дорога плохая.

– Н-на Кичеранге я р-работал, – сказал, покрасневшись, Бабушкин и обиженно захлопал ресницами.

– Что же ты так плохо работал? – спросил его Насибуллин.

– Ротный т-торопил. Говорил, что землю б-большая магистраль ждет...

– Принимается? – спросил Савин.

– Годится, – за всех ответил Плетт.

4

Смешались сон и явь. «Годится», – говорил не улыбочивый Плетт. «Не годится, Савин-друг, – отвечал свистящим шепотом Коротеев. – На посмешище выставил! Кичеранга – самый дерьмовый участок, а ты мою фамилию черной краской! Сначала по стройкам с мое покрутись, с тайгой поборись!...» Две жирные колеи от тягача тянулись по зеленым мхам с вдавленным в них кедровым стлаником... Две полосы лыжни казались санной дорогой в лунном свете. Потом кто-то осторожно постучал в дверь, и в сознание проникла мысль, что пора просыпаться, хотя еще и рано. Видно, посыльный прибежал по тревоге или еще какая надобность. Стук в дверь возобновился, частый, дробный, оборвался, и Савин открыл глаза.

Какое-то мгновение не мог ничего понять. Потом разом все вспомнил, встрепенулся, обнаружив, что Ольги нет рядом. Не было ее и в зимовье. Уже рассвело. На стене у входа висели карабин, мелкашка, поняга. Слышно было, как горят в печке дрова.

Он еще не успел обеспокоиться, когда она вбежала в зимовье в желтенькой кофтенке и в спортивных шароварах, которых вчера на ней не было. Вбежала прямо к нему, следом за белым валком холода, сама вся морозно-разрумянившаяся. Наклонилась над ним:

– Проснулся, Женя!

– Кто-то в дверь стучал.

– Это дятел, Женя. Он рядом с зимовьем завтракает. Слышишь?

Опять раздалось осторожное «тук-тук-тук». Железноклювый дятел собирал с лиственницы короедов. Постучал и смолк, будто и впрямь просился в избушку: пустят ли хозяева?

– Войдите! – смеясь, крикнула Ольга.

– Не надо, не впускай, – сказал Савин. – Иди сюда.

– Нет-нет, Женя. Вставай. – И вспорхнула к дверям.

Он чувствовал себя как дома. И встал без стеснения, и оделся, и к ней подошел, потерся щекой о щеку.

– Ты колючий, – сказала она. – Я нагрела тебе воды умыться.

В зимовье было жарко. Он остался в майке и так вышел наружу, отказавшись от теплой воды. Задохнулся в момент текучим холодом, глотнул его всей грудью. Снег был ослепительно-чистым и мягким. Зачерпнул его пригоршнями, плесканул в лицо. Даже майку сбросил на пенек и, радуясь утру, стал полоскаться. Вместе с остудой в тело входила ликующая бодрость: все-таки чертовски хорошо жить на этом свете!

Ольга выскочила наружу, испуганно схватила его за руки, потащила в зимовье.

– Однако совсем с ума сошел! Зачем так, Женя, делаешь? Заболеть хочешь?

Он весело упирался, и ему было легко и беззаботно. Ни облачка впереди, ни дождя, ни бурана, солнце выкатилось, торжествуя и славя жизнь, нашарило в зимовье оконце, пронзило лучами: живите и радуйтесь! Опять вежливо постучал о лиственницу дятел.

– Схожу к нему, ладно? – сказал Савин.

– Сходи, Женя. – Она сама подала ему шубу и натянула шапку.

Утренняя тайга совсем не была похожа на вечернюю. Редкоствольный лес на этой стороне Эльги был насквозь пронизан светом. Савин прислушался, не даст ли знать о себе дятел. Но было тихо, только серебряно звенел лес. Он пошел напрямую, наугад, туда, где серебряный звон слышался более отчетливо. Перед ним, сцепившись лапами, стояли в куржаке молоденькие ели. А вокруг хороводились такие же молоденькие березки, которые вдруг замерли, увидев Савина, застеснялись, словно десятиклассницы в белых фартуках после выпускного вечера. И весь снег был изрисован птичьими следами. В их узорах показалось Савину что-то продуманное. Словно письма неведомого мира. Может быть, и прошлой зимой следы располагались точно так же. Разве прочтешь их, не зная этой древней грамоты?

Савин не пошел дальше, свернул вдоль закрайка: пусть их хороводятся. И застыл, боясь пошевелинуться. На одинокой, обгорелой и расщепленной вверх лиственнице сидел глухарь. Савин его даже не заметил, пока тот не шелохнулся. И оба замерли.

Савин тихо попятился, затем, развернувшись, заторопился по своим следам в зимовье.

– Ольга! – сказал с порога. – Там – глухарь. Совсем рядом.

– На горелой лиственнице?

– Да. Он даже не улетел, увидев меня.

– Этот глухарь – мой друг, Женя. Его зовут Кешка. Так же, как и дядю. Кешка только у него может брать с ладони бруснику. Даже у меня не берет.

– Он так и живет здесь?

– Нет. На той стороне Эльги. А сюда кормиться прилетает каждое утро. И ждет меня. Просит мороженой брусники.

– Оленька, бросай печку. Завтракать потом будем. А сейчас пойдем глухаря кормить, а?

Глухарь сидел там же. Важно и безбоязненно поглядывал вниз. На высоте человеческого роста, на самом нижнем сучке была укреплена дощечка-кормушка, которую Савин поначалу не заметил. Ольга насыпала в нее алых бусин брусники. Глухарь шевельнул густо-красными, почти багровыми бровями, выпятил черную с синеватым отливом грудь и кивнул головой: спасибо, мол. Ольхон, сидя у ног Ольги, прынул ушами. Она шлепнула его по загривку, и уши опали. Глухарь выжидающе смотрел вниз, и Ольга сказала:

– Пойдем, Женя. Он не возьмет ягоды, потому что тебя совсем не знает.

Тропинка вывела их к реке. Под самым обрывом над водой курился пар.

– Никак не может Эльга уснуть. Видишь, Женя, опять наружу вырвалась. Она у нас с характером.

Струя воды выбивалась из-под ледяного одеяла, разбрасывалась поверху и застывала зеленоватыми кругами, образуя слоистую наледь. И парной дымок тянулся вверх, словно и на самом деле подо льдом ворочалось и дышало живое существо.

– Помнишь, Женя, ночью Ольхон лаял?

– Помню.

– Вон сохатый прошел. Справа его старые следы, видишь, вытянутые блюдечки? Их уже подровняло. А слева – целые тарелки. Это свежий след.

Следы терялись на противоположном отлогом берегу, заросшем тальником. Савину показалось, что сохатый до сих пор там: хрустнула сломанная ветка, шевельнулась корона рогов.

– Он ушел перед рассветом, Женя.

- Чем же он там кормился? Ни почек, ни листьев.
- Тальник грыз. Тальник в бескормицу всех спасает.
- Кого – всех?
- Изюбра, зайца, даже рябчика... А дальше, гляди, деревья повыше ростом.
- Вижу.
- Это чозения.
- На ветлу похожа.

– Не знаю ветлу. Чозения – самое древнее дерево в тайге. Летом у нее узкие серебряные листочки. Вдоль ствола вверх тянутся. Растет и на гальке, и на песке. А потом сбрасывает листья, и тогда рядом селятся другие деревья. Чозения жизнь им дает, а они потом у нее солнце отнимают. И она умирает...

Ольга замолчала. Пошла, притихшая, вдоль берега. У большого голого валуна остановилась.

- А вон там, Женя, живут мои ежи. Еж и ежиха, видишь?

Савин глядел и не видел никаких ежей.

- Ну, посмотри же внимательно. Носы в сугроб уткнули и снег лижут.

И вдруг Савин увидел двух громадных ежей на том берегу – так поразительно похоже высветил зарождающийся день две прибрежные скалы, густо утыканные лиственницами-иголками. С той стороны всходило солнце, но от скал еще падала косая тень, и оттого ежи как бы шевелились, чуть приподнимали свои носы из сугроба и снова опускали их в снег.

– Вчера мы прошли совсем рядом с ними. Но ты их не заметил, потому что они спали. Они спят ночью и в середине дня.

- А где же наша лыжня, Оля?
- Около ежей. Там тень, и ее не видно.
- А в какой стороне вертолетная площадка?
- Ты хочешь скорее уйти?
- Нет. Я вообще не хочу уходить от тебя.

Она улыбнулась, и в этой улыбке были понимание, сожаление и даже какая-то мудрая снисходительность. Повернулась к нему, и он почувствовал, что тонет в ее глазах.

- У каждого своя дорога, Женя.

Отрешенно заскользила взглядом по реке, задержалась на ежах. Они уже вытянули свои носы из сугроба и удивленно тарасились на неровный клубок пара из-под льда, напоминающий издали кисею из нечесаной белой шерсти.

– А площадка ваша – вон там, – показала в сторону, откуда пришли. – Ты не беспокойся, я провожу тебя.

Они молча шли по вчерашней лыжне. Уплотнившийся снег почти не проседал. Позади остались и тальник, и громадные ежи. А Ольга шла и шла. Река закручивала петлю. Слева снова показался крутой обвалившийся берег. По всему было видно, что характер у Эльги увертливый и своенравный. Мечется, наверное, по весне от берега к берегу, не от беспокойства, а от шального веселья и избытка сил. Опять показался султанчик пара. А зимовье пряталось от глаз, надежно укрытое лиственничником.

Ольга не останавливалась. Савин чувствовал, что куда-то улетучилась ясность утра. Он хотел вернуть ее – и не умел. Ему опять казалось, что подобное уже было с ним. Это ощущение вошло в него вчера, в том, другом, зимовье с появлением Ольги и теперь возвращалось время от времени. Она подобрала пруттик тальника и чиркала им на снегу, словно рисовала заклинательные знаки.

- Оля! – позвал он.

Она остановилась и, не глядя на него, ответила каким-то своим думам:

- Доброта – не уступчивость, Женя.

Таежный перезвон уплывал вверх, но не истаивал, как дым. Он вписывался в утреннюю лесную тишину, когда вдруг кажется, что, вопреки истине, можно объять необъятное и погрузиться в вечность. Только не надо шевелиться. Потому что стоит сделать шаг в сторону – и уже наплыло текущее. Вся жизнь соткана из вечного и текущего. И там, где они сталкиваются, начинают закручиваться такие узлы, которые ни развязать, ни распустить. Их можно только разрубить.

– Ты не беспокойся, – повторила Ольга. – Я провожу тебя вовремя. Здесь близко.

Тупой иглой Савина кольнула совесть. Он пронзительно почувствовал свою виноватость перед Ольгой. И еще – перед Давлетовым, Дрыхлиным, Сеницыным, перед всеми, кто делает сейчас дело, кого придавили в это чистое утро заботы. Он забеспокоился, попытался отогнать это состояние – и не смог.

– Сколько по времени идти до площадки? – спросил он.

– Два часа, однако.

– Как? Всего два часа?

Она грустно улыбнулась:

– А сюда мы сколько шли?

– Столько же.

Савин отключился от всего: от бьющейся подо льдом Эльги, от примороженных деревьев и от нее, которая смотрела на него с бабьей печальной мудростью. Это произошло помимо его воли. Исчезла ночь, проведенная в избушке, глухарь Кешка. Отсчет времени начался с того момента, как выехали на ГТТ к конечной точке маршрута, помеченной на карте-схеме черным кружком. Тягач шел все время с левым подъемом. А потом, после вынужденной остановки, они шли пешком. И держались уже правой руки. Получилась подкова, о которой он упомянул вчера Давлетову. А Ольга говорит, что напрямую здесь всего два часа ходу. Пешком. Значит, есть прямая, соединяющая основания подковы? Та самая прямая, которую не против был бы найти и Дрыхлин. Может быть, она рвется на пути? Не должно быть. Если и рвется, то только здесь, на этом самом месте, на берегу Эльги. Но ведь много проще перекинуть через нее мост, пусть не в два пролета, как на Юмурчене, а в три. Это мелочь по сравнению с теми километрами экономии, что даст прямая...

– Женя, ты где ходишь?

– Оля, ты подсказала одну блестящую идею.

И он принялся торопливо объяснять ей суть «идеи», отобрал у нее пруттик, стал чертить на снегу маршрут их движения. Ольгины закликательные знаки остались там, где застыло время. Их потеснила, сдвинула, захватила жизнь и незаметно стала затягивать узел.

– Так вот, Оля, получается выигрыш в сроках, в средствах, которые в местных масштабах трудно даже представить.

– Я понимаю, Женя.

Он не услышал этих слов, продолжал говорить, доказывать. Она почти прервала его:

– Я дарю тебе Эльгу. И дарю наше зимовье.

Савин будто споткнулся на бегу, растерянно поглядел на нее. Выражение его лица стало жалобным, как у провинившегося мальчишки. Она погладила его ладошкой по щеке, улыбнулась, сбросив с себя невидимый груз.

– Эта трасса намного короче, – с виноватым выражением произнес он. – Дрыхлин сказал, если найти прямую, можно оформить рационализаторское предложение. И ты будешь одним из его авторов.

– Нет! Дрыхле – нет! Я тебе дарю Эльгу, двоим ее нельзя подарить. Дрыхле хватит соболя.

– Тебе не понравился Дрыхлин? – неуверенно спросил он.

– Да.

– Почему, Оля?

Она молчала.

– Ну почему?

Да, он еще вчера, в том зимовье на Юмурчене не то чтобы почувствовал, но каким-то образом уловил Ольгину настороженность к Дрыхлину. И даже не настороженность, а какую-то скрытую неприязнь, упрятанную так искусно, что вчера он даже не задумался над этим. Странно как-то все получилось с той соболиной шкуркой, ставшей подарком. Какая-то меновая торговля, вызвавшая явное неудовольствие Давлетова. Савин только сейчас вспомнил о ней, подумав, что соболь стоит, наверное, вдвое против дрыхлинских часов. Но дело даже не в обмене подарками, а в чем-то другом, понятном для Ольги и совсем неясном для Савина. В центре этой неясности стоял Дрыхлин, весь круглый и весь уверенный в себе, бывалый человек, как сказал о нем Давлетов через день после их совместного путешествия. В тот день еще слегка бурило...

5

Буранчик начался, когда их путь, километров на двадцать, накрепко привязался к берегам реки Туюн. Они шли двумя железными колоннами. В авангарде – тяжелогруженный ГТТ с Давлетовым за старшего, за ним – ГАЗ-66, КраЗ с вагоном на платформе, за рулем которого сидел Рамиль Идеалович Насибуллин, и еще один тягач, в кузове которого ехал Савин. А позади, по промятому следу, медленно полз неповоротливый арьергард под командованием Синицына: экскаватор, дизель-электрический трактор с бульдозерным оборудованием и три самосвала.

Держались правого, плесового берега, чтоб не влететь в промоину. Ждали встречи с наледями, потому что не бывает таежных рек без наледей. Пожалуй, из-за бурана ни Давлетов, ни водитель не заметили примороженную наледь и, заскочив в нее по самые катки, тормознули. Стала вся колонна.

Дрыхлин вылез из кабины, подошел к заднему борту.

– Как вы смотрите, старлей, на то, чтобы пробежаться за компанию вперед? – позвал он Савина. – А то Давлет-паша притих что-то.

Обходя колесный транспорт по глубокому, выше колен, снегу, они подошли к краю наледи и увидели Давлетова, выглядывавшего из-под кузовного тента. Видно, он перебрался с переднего сиденья назад, хотел выбраться на лед, но трехметровая полоса воды отрезала тягач от крепи. Так и крутил он головой, пока не подошли Дрыхлин с Савиным.

– В наледь попали, – объяснил он.

– Видим, – ответил Дрыхлин. – Доски в кузове есть?

– Есть.

– Бросайте сюда.

– Зачем?

– Не вплавь же мне до вас добираться, Халиул Давлетович.

Давлетов скрылся в кузове, погромел железом и деревом, притих. Слышно было, как он переговаривался с механиком-водителем. Велел ему, видно, тоже перелезть в кузов, потому что оба враз появились у заднего борта, и на лед полетела половая рейка, лист оргалита.

– Стой! – скомандовал Дрыхлин. Повернулся к Савину: – Подгоняйте, Женя, технику. Интервал пятнадцать-двадцать метров. Проинструктируйте водителей, чтобы шли точно за мной.

– Что вы хотите делать, товарищ Дрыхлин? – спросил Давлетов.

– Хочу попросить, чтобы вы уступили мне свое место на головном тягаче.

Он покидал доски на снежную жидкую кашу, бросил на них лист оргалита, сказал Савину:

– Подберете потом.

Шагнул к тягачу. Настил под его ногами осел и погрузился в воду, притопив головки сохатинных унтов. Дрыхлин не обратил на это внимания. Перевалился через борт тягача. Давлетов хотел было спуститься вниз, чтоб присоединиться к Савину, но Дрыхлин остановил его:

– Зачем ноги мочить, Халиул Давлетович? Сидите!

– Что вы собираетесь делать? – переспросил тот.

– Двигаться вперед.

– Может быть, сначала обсудим этот вариант?

– Чего обсуждать? Русло прямое, без прижимов. Значит, на середине промоин нет. А вы, Жень, что стоите?...

Савин торопко пошел к своему тягачу, по пути передал команду Дрыхлина водителям и старшим колесных машин. Колонна подтянулась. Заняв место Дрыхлина на переднем сиденье тягача, Савин увидел, как тронулся с места КрАЗ с вагоном на платформе, съехал в воду, выбирая к середине реки. Вагон опасно покачивало на подналедных рывтинах, того и гляди, не выдержат крепления – соскользнет боком и ляжет зимовать.

Наледь была глубиной не больше метра, зато тянулась до самого поворота, уходя к перекату. Мокреть доходила до рельса, приваренного к носовой части ГТТ. Он загребал ее, гоня перед собой загустевшую волну. Не ехали, а плыли, медленно, но вроде бы уверенно.

У переката снова взяли вправо и выбрались на крепкий лед. Когда Савин подошел к переднему тягачу, Дрыхлин уже успел переобуться и сейчас был в серых солдатских валенках, подворачивал высокие голенища. Давлетов топтался вокруг него, порываясь что-то сказать. Но не сказал, а, приложив ко лбу козырьком ладонь, стал вглядываться назад.

– Синицына выглядываете? – спросил Дрыхлин. – Он подойдет не раньше чем через два часа.

– Да, да, – сказал Давлетов.

– Давайте команду перекусить, да и двигаться пора.

– А Синицын?

– Пройдет.

– И все же, товарищ Дрыхлин, будем ждать его здесь. Не станем распылять силы – дальше тронемся все вместе.

– Время потеряем, Давлетов. На льду придется ночевать.

– И тем не менее...

– Молчу, молчу, Халиул Давлетович. Вы начальник, вам и карты сдавать...

Синицына не было долго. Успели натаскать сушняка, им был захламлен весь правый берег. В этом месте он должен был отбивать течение, и летний паводок выбрасывал наверх все, что нес с собой. Даже теперь, в декабре, было заметно, что мусор оседал на деревьях, на кустах. И, как чудо на безлюдье, торопливо запутался в колючках шиповника, нависшего над рекой, футляр от зубной щетки. Откуда, почему? Охотник ли обронил, или случайные геологи проходили сверху?...

Набрали сушняка, обдали бензином, запалили костер. На прут нанизали ломти мороженого хлеба и жарили как шашлык.

День перевалил за полдень. Синицына все не было. Давлетов, поджав губы, недовольно покачал головой и сказал Савину:

– Проскочите на тягаче за поворот. Может быть, сидят...

Савин проскочил и никого не увидел.

Обступили костер, грелись, тихо томились в безделье и ожидании. Васек возвышался над всеми, а по сравнению с маленьким Насибуллиным вообще казался глыбой. Как геодезист он прикомандировывался то к одной, то к другой роте. Последнее время работал в роте Коротеева. В десант попал, потому что был мастер на все руки.

– ...Как раз папа Федя приехал, – рассказывал он Савину. – Что же, говорит, вы, Ванадий Федорович, себя на конфуз выставляете? Ехал все ничего, пока на указатель не натолкнулся: «Этот участок дороги отсыпали подчиненные капитана Коротеева». Колдобина на колдобине, яма на яме. Может, ошибка? – спрашивает. Неужели Коротеев мог такую дорогу отсыпать? А тот: «Не мог, товарищ полковник! Разберемся». Только папа Федя зашел в палатку...

Папой Федей солдаты называли между собой полковника Грибова, начальника политотдела. Наезжая в части, он обходил все закоулки и каждого из солдат, с кем приходилось сталкиваться, называл сыном: «Как кормят, сынок?», «Когда в бане последний раз были, сынки?», «Что жена пишет, сынок?» Семейных он брал на особый учет. На семье мир держится, говорил.

Да и Савин тоже мысленно называл его папой Федей, понимая, что не по уставу такая фамильярность. Но за ней скрывалось столько уважения к этому пожилому человеку, столько желания отвечать ему как на духу, что поправлять Васька с его рассказом не было никакого желания.

– ...Только папа Федя в палатку, – продолжал Васек, – Коротеев Бабушкина за шкуру и свистит: «Что есть мочи со своим бульдозером на Кичерангу. Ночь не спать, но чтобы к утру дорогу выровнял! А с этим поганим указателем я разберусь!...»

Савин помнил, как Коротеев приезжал в штаб разбираться.

– Не ту шапку примеряешь, – сказал тогда Савину.

Пошел жаловаться Давлетову. Однако выскочил от него злой и взведенный. А когда весь участок дороги был вылизан, самолично выдернул фанерный щит с обочины и заставил вкопать новый, из листового железа, с той же надписью, только сделанной красной краской...

Дрыхлин тоже прислушивался к разговору у костра, улыбался снисходительно, потом сказал:

– Суета сует.

Прихватив двустолку, он полез по глубокому сугробу на берег, около куста шиповника задержался, снял запутавшийся футляр от зубной щетки, швырнул вниз и скрылся в лесу. Минут через двадцать жажнул невдалеке одиночный выстрел. Еще через полчаса скатился вниз, распаренный и раскрасневшийся, и объявил:

– Мертвый лес.

– А в кого же вы стреляли? – спросил Савин.

– В белый свет. Чтоб душу разрядить.

Уложил ружье в чехол, бросил его в кабину тягача. И опять подошел к Савину:

– Вы не курите, Женя?

– Нет.

– А меня вот опять потянуло. Бросил год назад и пополз вширь. Но изредка балуюсь.

– Попросите у ребят.

– Зачем? У меня есть. Держу в запасе блок. – Но не закурил, стоял рядом с Савиным, пылая тугими щеками. – Вы давно с тайгой знакомы, Женя?

– С БАМа.

– Хилая здесь тайга. Не то что на Тунгуске. Я там изыскателем начинал. В ранге главной тягловой силы.

– Я тоже не такой представлял тайгу, – поддержал Савин разговор. – И не дремучая, и не буреломная. Лес как лес.

– Напрасно, Женя. Здесь тайга самая серьезная для жизни. Заблудиться в ней – дважды два, а выжить – девять на двенадцать.

– Фотографию в черной рамке имеете в виду?

– Догадливый вы, Женя, человек. Вот представьте, что заблудились!

Савин в тот момент весь был в обожании и в белой, хорошей зависти: таким отчаянным Дрыхлин показался ему при встрече с наледью. Потому охотно представил, как бредет он один-одинешенек по реке неизвестно куда. Вот именно – куда?

– В этом случае, Женя, вам обязательно нужно идти на восток или на запад. Почему? Да потому, что здесь все реки текут к Амуру – на юг. И вы обязательно наткнетесь на ручей или речушку. Где сейчас восток?

Савин глянул вверх. Буран хоть и кончился, но небо сплошь было тускло-серым – не угадать, где солнце. Вспомнил маршрутную схему, на которой синяя прожилка Туона была вытянута под небольшим углом к югу, до самого впадения в реку Бурею. Сориентировался, показал восточное направление.

– Ошиблись, Женя. Здесь Туон на каждом километре колеса крутит. Посмотрите на берег! Видите сосенку? С какой стороны натеки смолы, там и юг. Самая верная примета... А выйдя к ручью, идите вниз по течению. Редко где не встретите охотничьей тропы. Она обязательно приведет вас к зимовью. Даже если вы чуть доползли до него, вас спасет закон тайги. В зимовье вы найдете еду, спички, дрова. А когда будете покидать зимовье, приготовьте все тому, кто придет после вас. И упаси вас господь тронуть хоть одну вещь. Такого в тайге не прощают...

Позже Савин убедился, что Дрыхлин закон тайги соблюдает. Когда они останавливались на ночлег в зимовье, он всегда оставлял там консервы, спички, хлеб, пачку сигарет из своего запаса. И всегда, взяв бензопилу «Дружба», сваливал одну-две сухостоины, резал их на чурбаки, заставлял солдат переколоть и уложить возле избушки поленницей.

– Пусть охотник подумает, что у него ночевали хорошие люди, – говорил он.

Тогда, у костра, слова Дрыхлина вошли в Савина как откровение, поразили простотой и мудростью таежного закона. Он невольно подумал, что родить его могли только вот такие суровые условия, что на безлюдье нити, связывающие людей, прочнее. Толчея больших городов с автобусами и телефонами, как ни странно, разъединяет их. Да и зачем там думать о том человеке, который пойдет по твоему следу? Пойдет один, другой, третий – и так бесконечно. А если и мелькнет чей-то облик, если застучит отчаянно сердце: подними голову, взгляни на мое окно! – нет, свернула на другой тротуар, на чужую тропу, даже и не разберешь чью...

Как ни ждали Сеницына, но он выплыл все равно неожиданно. Медленно и величаво полз по наледи его железный караван, словно ощупывая невидимую дорогу хоботом – опущенной стрелой экскаватора.

Он выпрыгнул из кабины, поправил на переносице очки в тонкой металлической оправе, подошел к Давлетову, доложил о прибытии и спросил:

– Что случилось?

– Ничего, товарищ Сеницын. Беспокоимся о вас. Ждем.

Давлетов взглянул на часы, будто укорил: долго. Скомандовал:

– Заводи!

Заводить было нечего, все двигатели и так работали на холостом ходу. Бросив костер догорать, с лихорадочной поспешностью заняли места. Дрыхлин ушел в голову, а Давлетов – на замыкающий тягач. Тронулись.

Сто раз был прав Дрыхлин, когда советовал не терять времени. Уже в сумерки встретились еще с одной наледью, метров триста длиной. Она-то и подстроила ловушку. У самого ее конца КраЗ с вагоном угодил в промоину. Машина клюнула передом и плавно погрузила капот в воду. Крепления вагона ослабли, он наполз на кабину и, казалось, вот-вот уйдет под лед.

– Вылезьте, вылезьте! – услышал Савин крик Давлетова и сам перемахнул через борт прямо в наледь.

Идеалович и старший машины уже были на льду. Лед на обочине колеи держал человека.

Вокруг КрАЗа собрались все. Валенки поблескивали, схваченные морозом, звякали об лед, как колодки.

– Цепляйте сзади тросом, – скомандовал Давлетов.

– Товарищ подполковник, – сказал Сеницын, – нельзя сзади, вагон сползет. И упора для тягача нет.

– Сеницын прав, Халиул Давлетович, – вмешался Дрыхлин, – тащить надо вперед. Впереди валунник – значит, неглубоко.

И опять, как само собой разумеющееся, Дрыхлин все взял в свои руки. Советовался только с Сеницыным, но каждый раз, уже приняв решение, обращался к Давлетову:

– Как вы считаете, Халиул Давлетович?

Тот устало отвечал: да, да. И Савин в какой-то момент опять обнаружил, что его начальник – далеко не молод, да и опыта работы в таких условиях, видно, нет. Не для него такие дороги, ему бы в штаб куда-нибудь, в управление, чтоб командовать бумагами. Но военные люди дорогу не выбирают. Надо – и точка.

Дрыхлин распорядился, и все, независимо от рангов и званий, делали какую-то работу. Вдвоем с Васьком Савин протянул от переднего тягача, уже миновавшего наледь, длинный трос к берегу. К ним на помощь пришел Давлетов, и они тащили стальную змею по метровому сугробу, пыхтя и задыхаясь. На берегу намотали трос на комель лиственницы. Узел давался с трудом, и, если бы не медвежья сила Васька, они вряд ли бы заплели конец в восьмерку и затянули его двойной петлей.

Но главное прошло мимо Савина. Когда они вернулись к краю наледи, то он увидел два костра на льду, а между ними на матрасе, брошенном на лед, стоял Идеалович в ватных брюках, в накиннутой прямо на белье шубе и накручивал на ноги сухие портянки.

– Что произошло, товарищ Сеницын? – спросил Давлетов.

Ответил Дрыхлин:

– Ничего особенного, Халиул Давлетович. Человек лазил в воду, трос цеплял на КрАЗ...

Надев валенки и затянувшись в меховую амуницию, Насибуллин тут же, на матрасе, стал приседать и размахивать руками. Странно и нереально это выглядело в свете двух костров. Савин тоже хотел бы так нырнуть, а потом делать на матрасе физзарядку прямо в шубе. Ему по рангу положено пример показывать. Но с примером все как-то не получалось – он даже заметил, что все героическое почему-то достается другим, а не ему.

Между тем все вели себя так, словно ничего и не произошло, словно и не нырял человек в ледяную воду. Дрыхлин приказал распустить лебедку переднего тягача. Вроде бы все делалось быстро, а уже и ночь легла, исполосованная светом фар.

Дела Савину в этот момент не оказалось. Он стоял рядом с Давлетовым, чувствуя, что начинает замерзать, что валенки, хоть и схватились ледяной коркой, изрядно промокли. Липкое тепло было ненадежным: стоило постоять на месте, как озноб тотчас прогонял его.

Как бы то ни было, но пирамиду выстроили. Используя береговой трос как растяжку, передний тягач распустил лебедку ко второму, а он в свою очередь протянул к КрАЗу лебедочный трос, тот самый, что цеплял, погружаясь в воду, Идеалович.

– Натяжечку-у-у! – звонко закричал Дрыхлин. Зашевелились на снегу змеи-канаты, превратились в струны.

– Всем отойти на безопасное расстояние, – распорядился Давлетов.

– Натяжечку-у-у!

Впечатление было такое, что КрАЗ стал погружаться в воду. Задняя часть вместе с вагоном медленно оседала, но, выровнявшись, чуть заметно стала подаваться вперед. Затем движение на какие-то секунды застопорилось. Еще мгновение – и трос не выдержит напряжения, оборвется. Савин почти слышал резкий чвok лопнувшего металла. Но тут же увидел, как

показался из воды темный лоб автомобиля и вся машина вместе с вагоном, дрогнув, поползла вперед и вверх...

Переобулись в кабинах. Двинулись с КраЗом на буксире. Пошли по Туюну. Километров через шесть-семь, там, где русло уходит на север, должны были выйти на берег. В том месте планировался ночлег.

Но не проехали и километра, как снова остановились. Река в этом месте была совсем узкой и сплошь перегорожена огромным заломом, оставшимся от летнего паводка. Прорубаться в темноте сквозь него, пропиливать в нем проход не было ни сил, ни желания. Здесь и пришлось заночевать.

Дрыхлин распорядился, чтобы водители спали в кабинах. Давлетов заикнулся было, что это нарушение техники безопасности: можно угореть при включенных двигателях.

– Назначьте дежурных, Халиул Давлетович, – возразил ему Дрыхлин. – Пусть каждый час делают обход. А водители должны выспаться.

Составив в ряд технику, отгородившись ею от ветра, развели кострище, набросали на лед матрасов, укрылись палаточным брезентом. Не спали, а дремали вполглаза. Давлетов беспокойно ворочался рядом с Савиным, вздыхал, кряхтел. Наконец не выдержал, спросил:

– Вы спите, товарищ Савин?

– Нет.

– Я вот думаю: зачем с нами поехал представитель заказчика? Совсем не его это дело.

– По-моему, хорошо, что поехал, – ответил Савин.

– Да. Бывалый человек.

6

Ольга молчала, нахмутив брови. Потом прошла по его лицу пристальным взглядом, как будто сомневаясь в чем-то. Стала строгой и недоступной.

– Оля! – позвал он.

– Ты когда-нибудь видел волков, Женя?

– Не видел. Читал, что они – санитары леса. Очищают его от слабых особей.

– Нам в педучилище один грамотный человек тоже говорил, что они санитары. Однако сам он не видел волков. Я видела. Весной. Когда идет мокрый снег, а потом мороз. Когда копытному зверю приходится совсем худо. Снег твердый, как лед. Зверь корм достать не может. Убежать от волков не может. Ему наст ноги до крови режет. Я видела кабанье стадо. За ним все время шли три волка. Всех порезали. А сколько надо волку, чтобы сытым быть?...

Савин слушал ее внимательно и в то же время в половину сознания. Из головы не выходила подкова. Он слушал и одновременно прикидывал, что надо сделать, чтобы прямо теперь, пока они здесь, лучше увидеть новый вариант дороги, как убедительнее обосновать его: и короче, и с землей будет проще. Галечная коса с тальником – идеальный карьер. И плечо возки минимальное. Подумал про карьер и сразу вспомнил Ольгины слова, сказанные в зимовье о том, что речки болеют. Вот она, Эльга, укрылась подо льдом и не знает, что человек уже пришел и готовится взрыть ее берега.

– Ты не слушаешь меня, Женя?

– Слушаю. – Он отогнал мысли. Не отбросил прочь, а именно отогнал с усилием, вернее, отодвинул их на потом.

– Волк – жестокий санитар, Женя. Сильный, ловкий, осторожный. Но очень жестокий. И Дрыхлин такой же. Я узнала его.

– Разве ты встречала его раньше?

– Нет. Я видела его следы около дядиного зимовья.

– Какие следы?

– Четыре дня назад, когда кто-то унес из зимовья шкурки.

– Не может этого быть!

– Я видела. Дядя хотел исполнить закон тайги. Я отговорила его.

– Я ничего не понимаю, Оля. Какой закон?

– Вор должен умереть. Это старый закон, злой закон. И справедливый. Сейчас законы добрые. Особенно в городе. Если человек украдет, ему объявляют выговор.

– Оля, а ты не могла ошибиться?

У Савина смутилась душа, все в ней перевернулось и смешалось. Ну не мог, никак не мог согласиться он, что Дрыхлин – вор. Это не укладывалось в голове, противоречило тому, что он чувствовал и видел. Ведь от Дрыхлина он впервые услышал про законы тайги и поверил в них, поверил ему самому, выстроив на этом свое убеждение. И вот теперь все рушилось, вызывая чувство, близкое к отчаянию.

– Ты всегда веришь людям, я знаю, – сказала Ольга.

– А ты?

– Я тоже верю. Но мои глаза видят лучше.

– Может быть, ты все-таки ошиблась? – повторил вопрос Савин, пытаясь задержать разваливающееся здание и в то же время видя, как оно уже рушится.

– Не верь Дрыхлину, Женя. И не отдавай ему Эльгу.

И вдруг словно просветилось сознание Савина. Как при вспышке, он увидел летний день, коротеевский карьер на галечной косе. Они с Хурцилавой уезжали к Синицыну. Коротеев инструктировал своего «лейтенанта быстрого реагирования», как вести с Синицыным переговоры насчет запчастей, когда тот прервал его:

– Чтоб я никогда не увидел гор, если это не Паук пожаловал.

Савин успел только заметить невысокого полного человека, спускавшегося к реке. Да ведь это же был Дрыхлин! Недаром облик его показался знакомым Савину, когда они встретились перед выездом сюда. Но почему «Паук»? И почему засуетился Коротеев?

Что-то наматывалось на один клубок, но все какие-то обрывки. Паук... соболь... украл шкурки...

– Ты говоришь, это четыре дня назад было, Оля?

– Да...

Четыре дня назад они строили палатку – жилье для механизаторов, для тех, кто будет разрабатывать карьер. Командовал Синицын, солдаты и офицеры валили деревья для сруба, таскали их поближе к вертолетной площадке. Давлетов взялся было делать замеры, но Синицын очень вежливо попросил его несколько изменить стандарты, предложил сделать два окна прямо в срубе.

– Не понял вас, – сказал Давлетов. – Есть два окна в брезентовой крыше.

– Из-за того в палатке всегда полумрак, – возразил Синицын.

Его поддержал Дрыхлин:

– Какой разговор, Халиул Давлетович! Вам что, оконного стекла жалко?

– Дело не в стекле, а в тепле.

– Двойные рамы – то же самое.

– Пожалуйста, пожалуйста, – сказал Давлетов. – Я не возражаю.

Дрыхлин таскал вместе со всеми бревна. Кинул, как и все, свой полушубок на снег, оставшись в меховой душегрейке. Звонко командовал: «Раз, два – и ух!» – чтобы одновременно сбросить бревно всем шестерым. Оно глухо шлепалось на землю, и Давлетов каждый раз говорил Дрыхлину:

– Ну что вы? Зачем сами-то? Пусть молодежь потрудится. А вы бы отдохнули.

Вот тогда вечером Дрыхлин и сказал:

– Точка, Давлетов. Уговорили. Завтра с утра ружьишком побалуюсь.

И ушел с рассветом. А вернулся под вечер. Видно было, что запарился в тайге, даже с лица чуть спал. Но был бодр, и глаза, как всегда, поблескивали остро и весело.

Когда он вошел, в палатке уже топилась печка, вдоль стенок стояли шесть двухъярусных кроватей. Все сидели за только что сколоченным столом.

– Плохо, – сказал Дрыхлин и бросил на лапник четырех рябчиков.

– Очень даже хорошо, – ответил Давлетов. – Вы – настоящий охотник.

– Куда мне? – стянул с плеч тощий рюкзачок, небрежно швырнул в угол палатки.

Пока он потрошил дичь, рюкзак так и валялся на сваленных в углу разобранных кроватях. Потом, когда поужинали и стали собирать кровати, Дрыхлин положил рюкзак в изголовье своей постели. Вчера он тоже был с ним, когда выехали утром к зимовью. В него же затолкал буханку мерзлого хлеба и несколько банок консервов – это позже, когда они стояли возле заглохшего тягача, перед тем как отправиться в путь пешком...

Если шкурки были, то только в рюкзаке. Больше их некуда деть.

Савин чувствовал себя обманутым, обиженным за свое восхищение Дрыхлиным, за Ольгу, за ее дядю, за глухаря Кешку, И себя винил, не зная за что.

– Не думай о нем, – сказала Ольга.

Но он не мог не думать. Вместе с обидой в нем поднималась злость, он затвердел лицом, представив, как вечером встретится с Дрыхлиным.

– Я прошу, Женя, не думай больше о нем, – повторила Ольга, – и пойдем в зимовье.

7

Грустным было их расставание. Он говорил, что они обязательно еще увидятся, и она согласно кивала. Положил ей голову на колени, она перебирала пальцами его волосы, гладила брови.

– Я приеду к тебе, только ты не уходи надолго отсюда.

– Ладно, Женя.

– А потом я познакомлю тебя с Иваном Сверябой. Это мой сосед по вагончику. Он терпеть не может женщин.

– Я боюсь его.

– Тебя он полюбит. Тебя нельзя не любить. Он перейдет жить в общежитие, и у нас с тобой будет целых полвагона. Дом на полозьях. Мы выбросим спальные топчаны и поставим кровать. Нам ведь не будет тесно, правда?

– Правда.

– У нас в поселке есть школа-восьмилетка, и ты станешь там учить первоклашек.

– Хорошо, Женя.

– А потом поедem в отпуск далеко-далеко. К Черному морю, хочешь?

– Хочу, Женя.

– Будем целый день валяться под солнцем на пляже и плавать.

– Я не умею плавать.

– Научу. Это совсем нетрудно. Особенно в соленой воде.

Потрескивали и сыпались дрова в печке. На нарах лежали два разноцветных, разнолоскутных одеяла, укрывавших их ночью. День продолжал сереть.

– Тебе пора, Женя.

Она приподняла с колен его голову, прижалась щекой к щеке.

– Идем...

Глухаря Кешки уже не было на своем месте. Покормился и исчез по неотложным птичьим делам, чтобы завтра вернуться на обгорелую и расщепленную лиственницу. Стоп! А ведь, та лиственница, к которой вчера подкрадывался с ружьем Дрыхлин, тоже была обгорелой. Так,

может быть, на ней сидел Кешка, не знающий страха перед человеком? Может быть, дурной крик Савина «брысь!» спас ему жизнь? Бог ты мой, неужели сердце уже тогда предчувствовало встречу с Ольгой?

Она, как и вчера вечером, шла впереди. Ольхон рыскал вдоль лыжни. Поджидая Савина, глядел на него грустным взглядом, и тому чудилась укоризна в собачьих глазах: ну что же ты уходишь, хозяйкин друг?...

Шли по неглубокому распадку, петляя среди закуржавелых лесных подростков. Ольга не оглядывалась, привычно и легко скользя на своих широких лыжах. Вчера, когда она появилась на пороге зимовья, они все трое приняли ее за юного охотника. Она и сейчас, со спины, в своей оленьей куртке и рыжей шапке была похожа на мальчишку. Залетело тальниковое семя в распадок, проросло тонкой лозинкой – гнется под ветром, омывается снегом и стоит на удивление могучим, но слабым лиственницам.

Савин вспомнил ее слова, что завтра у нее в груди поселится дятел. И только сейчас понял их до конца. Потому что в его сердце дятел уже начал стучать, и от этого было не по себе. У него было такое чувство, будто он уходит из дома. Залетел на побывку, и снова дела позвали в дорогу. Где она кончится, на каком перекрестке будет обратный поворот, он не знал. Но надеялся, что поворот этот обязательно случится и он вернется по своим же, пусть и запорошенным снегом, следам.

Потянулся густой лиственничник и оборвался как-то вдруг. На этом месте споткнулся давний пожар, потому что дальше сплошь лежала горелая тайга. Сколько хватало глаз, виделись мертвые голые столбы, оставшиеся от зеленых лиственниц. Словно кто-то бездумно и беспорядочно назабывал их, забыв подогнать по размеру.

Здесь Ольга остановилась:

– Я не пойду дальше, Женя.

«Почему?» – спросил он глазами. И она так же, глазами, ответила. Но Савин не понял, не разобрал ответа. И через мгновение ощутил холодок в ее взгляде; и даже не холодок, а что-то такое, что разделяло, отодвигало их друг от друга. И слова ее показались Савину совсем не прощальными – суховатыми, будничными:

– Здесь близко. Полчаса идти. Все время вдоль черного леса. Возле ручья повернешь налево. Иди – и увидишь своих.

– А лыжи?

Она помолчала. Ольхон сидел рядом, взглядывая поочередно на обоих. Уши его настойчиво подрагивали.

– Иди, Женя.

– Я скоро приеду, – сказал он, – и привезу лыжи.

– Когда солнце зашло, Женя, не надо бежать за ним вдогонку, как говорит мой дядя.

– Ты меня жди.

– Хорошо.

Он потянулся к ней, коснулся губами холодной неподвижной щеки.

– Пусть добрые духи пошлют тебе удачу, Женя.

И он пошел, поминутно оглядываясь. Она стояла недвижно, застывшая в лесном безмолвии, в том месте, где кончалась живая тайга. И Ольхон у ее ног был похож на изваяние. Вдруг он сорвался с места и помчался к нему. Встал на лыжне, загородив дорогу.

Ах ты, собака милая, откуда же у тебя такое человеческое сердце? Ну, что ты учуяла там, за последним поворотом? Ты даже не знаешь, какие у тебя умные, преданные глаза...

– Ольхон! – вскрикнула Ольга.

Голос ее был совсем нетребовательным, слабым. Пес прынул ушами, еле слышно тявкнул, как будто почувствовал недоумение или обиду, и потрусил к хозяйке.

Савин уходил и опять оглядывался. И вдруг, обернувшись, он не увидел ее. Она исчезла, растворилась в воздухе вместе с Ольхоном. Это было так неожиданно, что он не помня себя побежал обратно. Вот и место, где они распрощались. Снег изрисован широкими полосами от лыж. Но ее не было. Она будто растаяла в тумане, которого тоже не было.

* * *

Ах, Эльга, Эльга, ледяная струя! Непонятная и чистая, как черные глаза незнакомой девушки. Ах, Эльга, Эльга, ледяная дорога, расчерченная косыми тенями лиственниц! Нетронутый мягкий снег укрывал черные галечные косы, которым время уготовило судьбу быть искромсанными ножом бульдозера.

Я видел эту реку, Она крутой дугой обогнула лиственничный яр, на котором стояло аккуратное, как женщина, зимовье. К низенькому дверному косяку была прибита двумя гвоздями старая подкова, символ надежды на счастье. Внизу, у самого спуска к реке, курился над водой дымок – беспокойная струя рвалась наружу и замирала, укладываясь поверху зеленоватыми наледями.

В зимовье стоял смолистый дух. Он шел от неошкуренных стен, от широких, в пол-избушки, нар, на которых лежала потерянная сохатинная шкура. Только глухаря Кешки, к сожалению, не видел. Зато веселого дятла слышал. Отыскивая короедов, он издолбил своим железным клювом почти всю старую лиственницу.

И зимовье, и реку я видел также другими. Как, впрочем, и мой герой, Женька Савин. Но не будем забежать вперед, тем более что автор и сам пока не обо всем догадывается. Знает лишь, что никак ему не уйти от того, что случилось, случается и еще случится.

Глава третья. Короче ли прямая?

1

– Прибыли, значит, – сказал Давлетов.

Он сидел за столом в палатке. На улице тархтел движок, давая неровный электрический свет.

– Значит, прибыли, – сказал еще раз, коротко взглянув на Савина, и тяжело вздохнул. Побарабанил по столу пальцами. Помолчал. Заворошил бумаги на столе. – Ну что ж, товарищ Савин. Вот вам журнал учета. Составьте сводную ведомость. Округленно.

– Халиул Давлетович! У меня есть к вам очень серьезный разговор.

– Думаю, сейчас не время.

– Я не могу составить ведомость и все подытожить без этого разговора.

– Ну что ж, слушаю вас.

– Прежде всего, вам привет от Ольги...

Давлетов не дослушал:

– Разговор служебный или личный?

– Служебный.

– Продолжайте.

– Ольга показала мне прямую, которая соединит основания подковы.

Давлетов поднял глаза на Савина:

– Так вы за этим ушли с ней?

– Нет. Но такая прямая есть.

– Хорошо. Рассказывайте.

Рассказ получился коротким, занял ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы набросать на листке бумаги приблизительный чертеж. Савин даже удивился этому, когда понял, что все уже выложил. Давлетов глядел на него сочувственно и вроде бы даже жалостливо. Савин ничего не понимал. Зная Давлетова, он ожидал услышать от него какие-то возражения. Хоть и сомневался, но был даже готов к тому, что тот согласится со всеми его доводами, загорится, как загорелся он сам, и торжественно пожмет руку. Но Давлетов не произнес ни слова, опустил свою лобастую голову с седым ежиком волос. Молча положил журнал с записями на кипу бумаг.

– Я внимательно вас выслушал, товарищ Савин. А сейчас отдыхайте. Завтра будет вертолет в поселок. Там и продолжим разговор.

– Но ведь мы здесь, Халиул Давлетович! Можем задержаться на несколько дней и все обстоятельно уточнить.

– Нет, товарищ Савин. Так это не делается, во-первых. Во-вторых, мы уже выбились на сутки из графика. А в-третьих, нам вряд ли кто позволит ломать проект.

Ничего не изменилось: ливень не хлынул и гром не грянул. Подрагивала светом подвешенная над столом электрическая лампочка, светила розовым жаром двухметровая труба, горизонтально соединяющая топку и вытяжку. Дежурный истопник дремал, сидя на табуретке возле печной дверцы.

Савин почувствовал себя оглушенным ровным голосом Давлетова, опустошенным из-за отсутствия у того мало-мальской заинтересованности и равнодушия к тому, что он рассказал. Мгновенно возникшее состояние было сродни тому, что появилось после Ольгиного сообщения о Дрыхлине. Недоумение, обида и злость – все смешалось, требовало действия, разрядки.

– Как же так! – сдерживаясь, проговорил он. – Как же так, товарищ подполковник! – Голос его, готовый сорваться, дрогнул. – Не надо арифмометров, чтобы подсчитать удешевление трассы! Это же как дважды два для ученика начальных классов!

– У меня высшее образование, товарищ Савин. И не горячитесь. Мы успеем поговорить на эту тему.

Савин крутнулся через левое плечо, не спросив разрешения выйти. Давлетов опять тяжело вздохнул. И уже в дверях Савина настиг его голос:

– Вами интересовался товарищ Дрыхлин. Он возле походной кухни.

Савин выскочил наружу и сразу окунулся в беззвездную неморозную ночь. По времени был еще вечер, еще не настал по распорядку час ужина, но темень зимой в тайге сваливается на землю почти без подготовки, обволакивает все вокруг, сливается с чащей, так что деревья только угадываются – по шороху, по треску, по сонному шелестению.

«Значит, Дрыхлин интересовался? – зло думал Савин. – Соболей ждет! Ладно. Мы тоже интересуемся Дрыхлиным. Я интересуюсь!»

Темноту вспарывало одно-единственное желто-белое пятно: возле кухни горел могучий костер, выхватывая из ночи шевелящиеся фигуры людей. Савин пошел прямо на свет, натываясь на пеньки. Услышал голос Дрыхлина, который весело и бойко что-то рассказывал солдатам про своего давнего старшину. Он умел рассказывать, и старшина у него все время выглядел, как бетонный столб, какой не своротишь ни вправо, ни влево от границы устава.

Увидев Савина, Дрыхлин прервался, поспешил навстречу:

– А я уже соскучился по вас, Женя. Рад видеть здоровым и довольным. Ну как?

Савин отступил на шаг, отодвинувшись от полосы света. Дрыхлин подошел совсем близко, снова спросил:

– Ну как?

– Поговорить надо, – сказал Савин.

– Да, да, – ответил Дрыхлин. – Пойдемте в палатку. Хотя нет, там Давлет-паша. Идемте лучше в сторонку.

Их разделяла темнота, хоть они и остановились в метре друг от друга.

– Так что же вы мне хотели сообщить, Женя?

Савин ничего не хотел сообщить Дрыхлину. И даже ни о чем не хотел спрашивать. Только уличать, обличать на весь лагерь – вот он, глядите, нарушитель законов тайги! И в то же время понимал, что надо быть спокойным, потому что кричит тот, кто не уверен в себе.

– Что вы там говорили насчет таежных законов? – спросил он и почувствовал, что сорвался.

– Вы волнуетесь, Женя?

– Нет, это вы волнуетесь! Вы зачем украли шкурки в зимовье?

– Какие шкурки? В каком зимовье, Женя?

– В зимовье у дяди Кеши. За Тураном.

– Опомнитесь, Женя!

Но Савин и не собирался опомниться. Все в нем свилось в стальную пружину и теперь распрямлялось. Он даже не заметил, что стал называть на «ты» человека много старше себя по возрасту, на которого еще совсем недавно хотел походить.

– Ты зачем лазишь по чердакам, Дрыхлин? Чем ты набил свой мешок?

– Вы с ума сошли, Женя! Вас что, та шаманка заколдовала?

– Я все знаю! Теперь я тебя понял, Дрыхлин! Мы вытряхнем мешок и посмотрим, что у тебя там! Я не буду молчать.

Дрыхлин приблизился к нему, взял за отвороты шубы, и Савин ощутил крепость его руки. Перехватил ее, пытаясь оторвать, но тот не отпускал и надвигался все ближе.

– Послушай, неблагодарный мальчик. Ты меня оскорбил. Ты обидел человека, который был к тебе расположен. – Голос его стал жестким и острым, как обрезок жести. – Извинись сейчас же!

Напружинившись, Савин толкнул его, и тот отпустил лацканы, проговорил с раздражением и вроде бы с сожалением:

– Ну, ладно. Иди за мной!

Сказал, как приказал, и, повернувшись, пошел к палатке. Савин заторопился за ним. Дрыхлин рывком распахнул дверь, прошел мимо Давлетова, удивленно поглядевшего на обоих. Подошел к своей кровати на втором ярусе, достал в изголовье рюкзак, бросил к ногам Савина.

– Только не опозорься!

– Что случилось, товарищи? – Давлетов торопливо поднялся со своего места, подошел к ним.

Дрыхлин плотно стоял на дощатом полу в своих амчурах. Полушубок у него распахнулся, обнажив мохнатый коричневый свитер. Глаза-щелки совсем сузились, и нос тупым бугорком выпирал из мясистых щек.

– Объясните, что случилось? – вновь спросил Давлетов.

– Пусть объяснит, – показал на Савина Дрыхлин, и голос его прозвучал беззаботно и как бы равнодушно. Так, во всяком случае, показалось Савину.

Дрыхлин устало присел на табурет, пошарил по карманам, нащупывая сигареты, закурил. Некурящий Дрыхлин закурил! Это тоже отметил Савин. Давлетов поморщился, помня о своем запрещении не курить в палатке. Но смолчал, продолжая выжидательно глядеть на Савина. И Дрыхлин смотрел на него, затем едва уловимо, даже с какой-то горечью усмехнулся:

– Ну, что же вы стоите, бойе? Проверяйте.

Савина словно ударило это слово. Он увидел Ольгу там, на берегу реки. И снег, который после оттепели превращается в наст. Где-то далеко проскользнули темными тенями три волка-санитара, преследующие беспомощное кабанье стадо.

Савин и сам почувствовал себя беспомощным, с трудом выдиравшим ноги из снежного наста.

У ног его лежал рюкзак, в котором, он понял, или вообще ничего не было, или уже не было. Понял и другое, вернее, сообразил, что Дрыхлин мог предвидеть, да и наверняка предвидел такой оборот. Где-то запрятал шкурки, может быть, в лесу, а может быть, даже здесь, среди их беспорядочного хозяйства из досок, щитов, тюков, матрасов.

– Объясните, в чем дело, товарищ Савин! – потребовал Давлетов.

– Ни в чем, – хмуро ответил тот.

Дрыхлин сожалеюще покачал головой:

– Эх, Женя, Женя, – и Давлетову: – Будем считать, что все в порядке, Халиул Давлетович. Конфликт на личной основе – не обращайтесь внимания. А мы еще помиримся и снова подружимся. Верно, Женя?

2

Две недели не был Савин в своем поселке. Первое, что он увидел через иллюминатор вертолета, – это белые клубы дымов: от топящихся печей, от выхлопных труб двигателей, от костров у строительных площадок. В центре поселка, вся в заснеженных деревьях, стояла, как памятник недавней глухомани, Соболиная сопка. Когда вертолет, накренившись, заходил на посадку, земля нереально и ощутимо приблизилась. Савин разглядел детвору, копошившуюся с санками и лыжами на ее склоне. Сопка исчезла из поля зрения, и тут же сбоку, прямо на заснеженном поле возник огромный неуклюжий кузнечик, размахивающий крыльями. То легла на землю вертолетная тень. Машина зависла, коснулась колесами площадки. Оборвалась

воздушная тряска, и почти сразу же умолкли, оглушив тишиной, двигатели. Лопасти еще крутились по инерции, а Савин уже шагал по дощатому настилу. Его соорудили на летнее время, когда просыпалась марь, чтобы посуху добираться до отсыпанной дорожки. По привычке все пользовались этим деревянным тротуаром и зимой. Савин шагал по доскам, всем телом ощущая физическую легкость, хотя скребли на сердце кошки и мысли были смутными от неопределенности.

– Товарищ Савин! – окликнул его Давлетов.

Он стоял около уазика, подъехавшего к вертолету. Водитель пристраивал на заднее сиденье портфель с документацией, солдатский вещмешок с личным имуществом Давлетова.

– Садитесь, товарищ Савин, – предложил он.

– Если разрешите, я – пешком.

– Как хотите. Через два часа жду вас в штабе.

Савин пошел напрямую, мимо вагона-бани, мимо сборно-щитового магазина. Миновал такой же сборно-щитовой клуб с афишей, извещавшей о диспуте: «Комфорт для жизни или жизнь для комфорта?» Это была идея Насибуллина. Савин подумал отвлеченно: «Комфорту хоть отбавляй». Между двумя казармами, возведенными в стиле барака у самого подножия сопки, вышел на тропинку. Поднялся на самый верх, постоял, привалившись плечом к единственной березке, неизвестно как попавшей на лиственничную сопку. Бездумно глядел, как на безлесом склоне, вливающемся вниз в улицу Вагонную, возится детвора. Его заметили. Из общей ребячьей свалки выскочили мальчишки Синицына и со всех ног кинулись к нему.

– Дядя Жень, а папа не прилетел?

Савин даже огорчился из-за того, что не может обрадовать их.

– Нет, ребята. Только привет передал.

– А белку? – спросил младший, Димка.

Он смотрел на Савина, будто ждал, что тот сотворит чудо: пошарит за пазухой и посадит на ладонь черного пушистого зверька.

– Белку? Нет, белку он еще не поймал.

Вывалянные в снегу, в сбившихся офицерских шапках, с заиндеветыми белобрысыми чубчиками, они не скрыли разочарования. Савин виновато улыбнулся, восприняв детскую укоризну на свой счет, стал отряхивать их от снега.

– Если папа обещал, – приговаривал он, – обязательно поймает и привезет. Настоящую таежную – черную.

А сам вдруг впервые задумался о таких вот мальчишках, офицерских сыновьях, для которых появление отца в доме – праздник. И по-новому, совсем неожиданно для себя, подумал о женщинах, связавших свою судьбу с военным человеком. «Неужели тебе хочется, чтобы я стала офицершей?» Он будто наяву услышал давний голос с ироническим ударением на последнем слове. А получилась бы из нее офицерша? Савин представил, как в предвечерний час хлопают двери домиков и вагонов, как выходят на крыльцо женщины – в полушубках, в валенках, в платках. Спрашивают друг у друга: «Водовозка не приходила?» А ее не было в этот день и, может, вообще не быть. Потому что при морозе за пятьдесят металл и механизмы почти отказываются служить человеку. Пождали бабы, пождали, да и пошли гуськом по тропе, с ведрами, с топорами, – к перемерзшему ручью. Рубят лед вместо воды, а сами хохочут, осыпаясь ледяной крошкой: и толстуха Давлетова, мать-командирша, как ее зовут, которая в ночь-полночь дожидается хозяина со службы. И худенькая хохотушка Таня Синицына, как ее прозвал муж – Запятая, любительница попеть и поплясать, по-девичьи до сих пор влюбленная в своего неулыбчивого Птицу-Синицу... Рубят лед целым гуртом, а запыхавшись, устраивают передых. Присядут на поваленное дерево и поругивают мужей: «Все бы им работа!» – поругивают теплыми голосами, словно, истомившись в ожидании, объясняются в любви.

Мальчишки Синыцыны уже убежали, уже свалились в общую кучу-малу, а Савин все еще видел укоризну в их глазах. Спускался вниз, отягченный необычными для него думами. «Нет, та бы, пожалуй, не смогла здесь жить... А вот Ольга смогла бы... У нас родится сын с серыми и немного синими глазами». Он вспомнил ее такой, какой она была в момент расставания: застывшим на снегу изваянием. У границы живого и мертвого леса... Не к чему оглядываться! Лыжня оборвалась на берегу Эльги, и даже стрекот вертолета затих несколько минут назад.

Из железной с гнутым колпачком трубы на крыше их вагона полз сизый дым. Значит, Сверяба был дома. Савин не понял, рад он этому или нет.

Иван могуче раскинулся на вагонном топчане, лежал в бриджах, голубой фланелевой рубашке, приспособив ноги в унтах на табурет. Спал не спал, но, стоило Савину появиться на пороге, сразу приоткрыл глаза, поднялся махом. Видно было, что обрадовался, и не скрывал этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.